Кадетская ПЕРЕКЛИЧКА

№ 5
1973

КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Периодический журнал Объединения Кадет Российских
Зарубежных Кадетских Корпусов, Нью-Йорк, США

№ 5 Нью-Йорк 1973

Художественная обработка А. Н. Родзевич

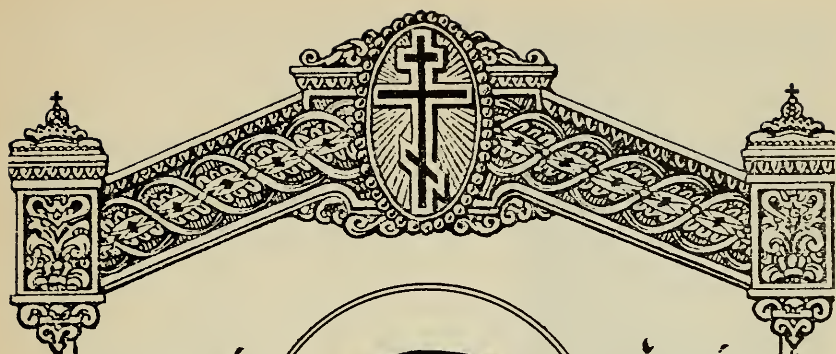
"CADETS ROLLCALL"

Periodical Magazine (3-4 issues yearly)
Published by Association of Russian Cadets graduated
outside of Russia, Inc.
New York, USA

Subscription price $2.00 USA per single copy
$5.00 USA for one year

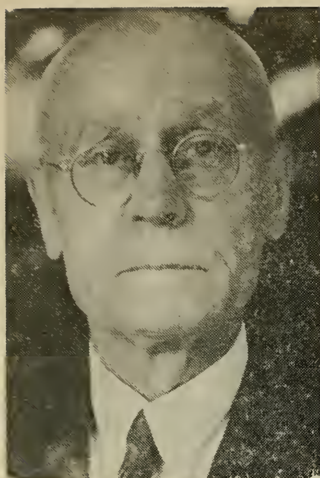
Managing Editor
Paul Olferiev
133-32 Avery Avenue
Flushing, N. Y. 11355 U.S.A.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СВ БЛАГОВЕР-
НЫЙ КНЯЗЬ
АЛЕКСАНДР
НЕВСКИЙ

НЕБЕСНЫЙ ПОКРОВИТЕЛЬ
Р
К К
КОРПУСА

Последний Директор I Р. Вел. Кн. Константина Константиновича Кадетского Корпуса, ген.-м. Александр Григорьевич Попов, выдающийся юрист и историк, преподавал в Корпусе законоведение и историю с 1926 года. Попав с Корпусом заграницу, позже став директором Русской гимназии в Регенсбурге, а также преподавая язык и историю русской молодежи уже в США, всегда сокрушался, что нет учебников. Все пропало в Югославии при поспешной эвакуации. Для своих кадет и последующих учеников им была написана статья «Святой благоверный вел. князь Александр Невский», первоначально напечатанная в газете «Россия», позже изданная отдельной брошюрой Учебно-Просветительным Советом при Архиерейском Синоде для широкого распространения среди учащихся Церковных школ и русской молодежи.

В этом году исполнилась пятая годовщина кончины генерала. В его память помещаем его статью для более широкого ознакомления с нею читателей нашего журнала.

Панихида на могиле покойного на Кадетском участке в годовщину кончины.

СВЯТОЙ БЛАГОВЕРНЫЙ ВЕЛ. КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ.

Вел. кн. Александр Невский принадлежит к числу тех великих государственных деятелей, которые в исключительно тяжелой обстановке спасли и оберегли наше юное государство, указывая ему правильный путь дальнейшего развития.

Знать о нем — дело каждого русского человека, а подражать ему, по мере наших сил, значит совершать свой жизненный путь в благочестивом и самоотверженном делании на благо нашей Родины.

Для того, чтобы понять значение деятельности вел кн. Александра Невского, необходимо иметь правильное представление о фоне, на котором эта деятельность развивалась.

За время от конца 1237 по 1240 гг. русская земля была завоевана пришедшими из Азии татарами, и не только завоевана, но разгромлена и частично совсем опустошена.

Города и села русские лежали в развалинах и в дыму пожаров; большая часть населения, независимо от пола и возраста, была перебита. Казалось, что с нашим молодым государством было покончено навсегда.

Невольно возникает вопрос, в чем же была превосходящая сила татар и почему, несмотря на отчаянное сопротивление большинства княжеств и городов, русская земля была завоевана почти полностью, за исключением некоторых северных земель и, в частности, Вел. Новгорода, до которого татары не дошли из-за весенней распутицы? Впрочем, эти уцелевшие от разгрома места должны были признать власть татар и платить им дань.

Конечно, одной из главных причин татарских успехов была наша разрозненность, несогласия между князьями и нежелание их объединиться перед лицом грозной опасности. Но не только это. Нельзя забывать, что на завоевание русской земли татары двинулись, подчинив себе Китай и кое-чему научившись при соприкосновении с этим народом древней культуры. От китайцев татары заимствовали некоторые тактические приемы и виды оружия (стенобитные орудия, боевые башни, приспособления для поджога осажденных городов и пр.), которые им не были известны. В частности, метание зажигательных снарядов и стрел в осажденные татарами города имело часто фа-

тальное значение при деревянных домах с соломенными крышами того времени, так как отвлекало силы осажденных для тушения возникавших во многих местах пожаров. Горящий город фактически невозможно было защищать. При осаде городов войска татарские употреблялись с особым рассчетом. Приступ велся непрерывно в течение неопределенно долгого времени, причем одна уставшая татарская часть сменялась новой, свежей, для того, чтобы не дать осажденным ни минуты отдыха и довести их таким образом до полного морального и физического истощения. Такая тактика была, конечно, возможна при громадном численном превосходстве, которое татары имели почти всегда.

Татары, в противоположность русским того времени, понимали, что вождь, главный начальник войска, должен не принимать непосредственного участия в битве, но, находясь в стороне от нее, по возможности на возвышенном месте, действительно руководить ходом боя. К сожалению, русские военачальники туго воспринимали это бесспорное военное положение и часто нарушали его, не взирая на возможные тяжелые последствия.

Вообще же, бешеный натиск бесчисленной татарской конницы был настолько сокрушителен, что противостоять ему было очень трудно не только в наших условиях, но и на Западе, куда татары двинулись после покорения русской земли. Несмотря на то, что были каменные крепости и тяжеловооруженные рыцарские войска, татары сломили оказанные им сопротивления, и их передовые отряды показались уже на берегах Адриатического моря. Но для татарской конницы был привлекателен не Запад, а Восток с его равнинами и безбрежными степными пространствами. Естественно, что именно здесь татары и обосновались, наложив тяжкое иго на русский народ.

Беззащитным нашим состоянием воспользовалась католическая церковь. Считая русских людей еретиками, чуть ли не язычниками, папа римский объявил против нас «крестовый поход». Первыми выступили для обращения русских людей в католичество и завоевания наших пограничных земель шведы, которые в 1240 г., под предводительством регента Швеции Биргера, высадились на берегу реки Невы, в новгородских пределах. Никакой помощи со стороны истерзанной русской земли не могло быть, и отражать врага пришлось одному Новгороду, случайно уцелевшему при Батыевом погроме. Надеж-

да была только на Бога. И Он спас русскую землю, орудием ее спасения избрав молодого новгородского князя Александра.

Он выступил с малыми силами против шведов, имея в то время от роду около 20-ти лет. Нам мало известно о детских и отроческих годах его, об его образовании и воспитании. Происходил он из владетельной княжеской семьи. Отец его, Ярослав, был великим князем Владимирским, который, конечно, дал ему то образование и воспитание, которые были приняты в благочестивых княжеских семьях того времени. Господь наделил князя Александра исключительными духовными и физическими дарами, которые и дали ему возможность со славою пройти уготованный ему тяжкий исторический путь.

Князь Александр стремительно напал на шведов, не взирая на их численное превосходство и прекрасное вооружение. Приведя их в полное замешательство, он разбил их на голову. Причинен был врагу жестокий урон и ранен был копьем в лицо сам шведский полководец Биргер.

Такая блестящая победа над сильным и многочисленным шведским войском произвела потрясающее впечатление. То было чудо, явившееся последствием явной помощи Божией. Предание говорит, что перед битвой начальник сторожевого поста в устье Невы, благочестивый воин Пелгусий, видел св. князей страстотерпцев Бориса и Глеба, плывших в ладье, причем Борис сказал: «Брат Глеб, прикажи гребцам грести, поспешим на помощь сроднику нашему Александру».

Русские люди победу на Неве рассматривали, как торжество православия над католичеством, а явная помощь Божия в этой битве давала кн. Александру ореол праведника и борца за православие.

За князем Александром утвердилось почетное название «Невского».

В 1242 г., во исполнение того же плана «крестового похода» и для завоевания русской земли, в наши пределы вторглось войско немецкого ордена «меченосцев». То было войско тяжеловооруженное и искусное в бою. Оно заняло города Изборск и Псков и подошло близко к Великому Новгороду. Кн. Александр опять выступил против врага. Смелыми наступательными действиями он отобрал у него занятые им города и нанес ему тяжкое поражение на льду Чудского озера (т. н. Ледовое побоище). Победа эта явилась результатом умелого построения русских войск и беззаветной храбрости князя Александра и его ополчения.

Далее кн. Александр нанес несколько поражений литовцам, которые под немецким натиском напирали на русские пределы.

Можно себе представить, какие чувства вызывал ряд этих блестящих побед у подпавших под иго татар, порабощенных и униженных русских людей!

В темную, беспросветную ночь татарского разгрома, охватившую всю русскую землю, в самый год окончательного завоевания ее татарами (1240), на севере ее зажегся огонек, который постепенно разгораясь и усиливаясь, стал привлекать к себе взоры измученных русских людей и вселять в их души какую-то свежую надежду. Имя молодого новгородского князя Александра стало знаменитым, являясь как бы символом нашего национального достоинства в его самозащите от внешнего врага.

На кого было надеяться русскому народу, как не на князя Александра, светлого витязя, Божия избранника!

Слава о доблестном русском князе дошла до ханских ушей. Батый, хан Золотой Орды, владевший Русью, пожелал видеть Александра и был поражен его мужественным видом и светлым разумом. Отпущенный милостиво Батыем, князь Александр, по обычаю, строго соблюдавшемуся в начале татарского ига, должен был отправиться на поклон к «великому хану» в далекую Монголию. Этот тяжкий путь, длившийся много месяцев и являвшийся серьезным испытанием духовных и физических сил Александра, принес ему немалую пользу. Ко времени прибытия кн. Александра в столицу Монголии, Каракорум, великий хан умер, и сюда со всех концов огромной монгольской империи съезжались для выбора нового хана, на т. н. «великий курултай», отдельные татарские ханы и наместники, среди которых могущественный хан Золотой Орды был лишь одним из многих. Здесь кн. Александр убедился, какую великую силу представляла в то время монгольская империя. Он понял до конца, что немедленная борьба с этой превосходящей силой была бы самоубийством для государства, которое решилось бы поднять восстание. В этой мысли кн. Александр утвердился и на печальном примере своего брата, Андрея, который, будучи ранее на великокняжеском престоле, попытался оказать татарам сопротивление и сразу же потерпел полную неудачу, вместе с потерею престола.

Вскоре после смерти отца, в 1252 г., Александр занял великокняжеский престол. Это событие явилось резким переломом во всей его жизни. По новому положению своему он должен был заботиться о всей русской землѣ, которая находилась в исключительно тяжелом положении; из ограниченного круга новгородских интересов он выходил на широкое поприще общенародного служения и должен был поддерживать определенные отношения с татарами. Из всего выше сказанного ясно, что отношения эти должны были быть мирными, внешне-доброжелательными, чтобы не навлекать на русскую землю новых опасностей. Великий князь не мог поступить иначе, охраняя русскую землю, если даже его современники, смотревшие на него как на посланца небес именно для немедленного свержения ненавистного татарского ига, резко осуждали такую политику. Иные готовы были смотреть на кн. Александра, как на изменника национальным чаяниям, не останавливаясь даже перед грубым поношением его имени. Они не видели и не понимали того, что ясно видел и понимал великий князь, бывший вообще на голову выше своих современников. В этом основном расхождении с чаяниями большинства заключалась трагедия жизни Александра и его великокняжеского служения, которое продолжалось 11 лет. И это тем более, что в душе вел. кн. Александр вполне разделял чувства своего народа к татарам, но для блага этого же народа должен был эти чувства скрывать и даже унижаться перед татарской властью.

Победив внешних врагов на поле брани в новгородский период своей жизни, кн. Александр одержал теперь самую трудную победу — победу над самим собою. Он смирил себя, даже унизился в глазах других, и все это для блага родного народа, чем и явил пример истинной праведности. Конечно, тяжкие нравственные муки испытывал Александр Невский, когда он, как великий князь, должен был усмирять взбунтовавшихся против татар русских людей, приводить их к покорности хану, а у последнего вымаливать для них прощения, что бывало не раз. Для этого великий князь неоднократно ездил в Золотую Орду, ставка которой, Сарай, находилась, как известно, в устье Волги, и всеми мерами старался отвратить грозу, скоплявшуюся над русским народом.

К счастью, отличавшиеся веротерпимостью татары не воздвигали гонения на русскую православную Церковь. Ее приходилось все время ограждать от поползновений папского пре-

стола. Потерпев неудачу с «крестовым походом» против нас, пытался Рим теперь наложить руку на нашу веру, предлагая кн. Александру помощь против татар. Сулили ему и королевскую корону. Но для этого Церковь должна была вступить в унию с католичеством, т. е. фактически подчиниться папе. Вел. кн. Александр решительно отклонил все эти домогательства, тогда как современник его, выдающийся князь Даниил Галицкий, склонился на папские уговоры, обещал унию и принял от папы королевскую корону. Недооценил кн. Даниил могущество татарской силы и, надеясь оказать ей сопротивление, начал строить крепости и укреплять города. Все это привело князя только к лишнему унижению. По требованию татарского воеводы, вынужден он был уничтожить все свои приготовления, срыть крепости и полностью подчиниться татарам.

На этом примере видно, насколько предусмотрительна и мудра была политика вел кн. Александра в отношении татар, которых ему часто приходилось ублажать и, как сказано ранее, ездить для этого в Орду. Возвращаясь после одной из таких поездок, великий князь разболелся и принял праведную кончину в схиме с именем Алексея. Произошло это 14 ноября 1263 г. в Городце на Волге на 43 году жизни великого князя. Тело его было перевезено во Владимир и погребено там 23 ноября того же года, каковой день (6 декабря н. ст.) и является основным днем памяти великого князя, вскоре после своей кончины причисленного к лику святых.

Из жития вел. кн. Александра мы узнаем, что во время погребения его во Владимире произошло чудо: усопший сам протянул руку за разрешительной, «прощальной» граматой. Кончается житие словами: «Тако бо Бог прославил угодника своего, яко много тружеся за землю русскую, и за Новгород, и за Псков, и за всю землю русскую, живот свой полагая за православное христианство».

Петр Великий в конце царствования перенес мощи благоверного кн. Александра Невского в новую столицу, С.-Петербург, в Александро-Невскую Лавру. День перенесения мощей — 30 августа (12 сент. н. ст.) является вторым днем прославления имени великого князя.

Александр Невский не только святой русской православной Церкви, но и величайший наш патриот и самоотверженный борец за самое существование русского народа.

Это отлично понял митрополит Владимирский Кирилл, который, при получении известия о смерти Александра Нев-

ского, сказал верующим в соборе: «Знайте, закатилось солнце земли русской, не стало Александра».

Это понял и Петр Великий, который по борьбе со шведами на тех же рубежах (р. Нева) считал себя преемником дела Александра Невского. Потому он и перенес мощи именно великого князя, а не какого-либо другого святого, в свою новую столицу на реке Неве. Обаянием имени Александра Невского воспользовались и большевики в тяжелую для них годину. Но то была только спекуляция его святым именем. Для нас же это имя ярко светит из глубины веков, согревает наши души в изгнании и дает нам твердую надежду на лучшее будущее нашего народа по завету благоверного князя: «Не в силе Бог, а в правде».

А. Попов

О РОДИНЕ МОЕЙ

(Сложная секстина, патетическая)

Года идут, как длинной цепи звенья . . .
В который раз земной меняю край?..
В чужбинах, внемля чуждым звукам пенья,
Мечтал, и мне земной светился рай...
В мозгу раждались яркие виденья
И я молился: "Господи, подай" !..

Молюсь и ныне: "Милостивый, дай
Народу сил — оков расторгнуть звенья,
Понять обман и лживые виденья,
От слепоты спаси отчизны край...
Дай им понять в какой ведут их рай
И жертвами какого стали пенья"...

Сомкну глаза и слышу звуки пенья...
Веками Русь скорбела: "Боже, дай!.."
"Прости грехи!"
"Прими в небесный рай!.."
В раскаяньи вериг тяжелых звенья
Паломники несли в далекий край...
Молящимся являлися виденья...

Последний век принес свои виденья
И поиски совсем иного пенья...
Безумство мнило осчастливить край!
Незрелый мозг! Свободу им подай!
Пришла... И вот, цепей тяжелых звенья
Надеты на людей, — таков их рай!

Рабов проклятья, стоны, — вот их рай!
Под гнетом мысль не знает про виденья,
Над душами царят дурмана звенья,
Нужда и страх чужды свободе пенья,
И посвист слышится: "Нам мир подай!
Разрушим все! Сравняем каждый край!".

Молюсь: "Спаси, Господь, родимый край
От колдовства, от веры в ложный рай,
России вновь благословенье дай,
Народу дай опять Твои виденья,
Верни покой для радостного пенья,
И освяти веков грядущих звенья!"

20 Мая 1972 г.
Лос Анжелос

Иг. Автамонов.

Прим. Ред. Сложная секстина является одной из форм классического стихосложения, диктующего точные чередования одних и тех же рифмующихся слов, а отсюда и точные чередования перекрестных и поясных рифм. Автор считает, что для такой серьезной темы, как отношение к родине, вполне уместна, для поэтического произведения, именно такая строгая форма.

ОДЕССКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС В ТУАПСЕ, в 1919 году.

Откомандированный из Армии для продолжения образования, я прибыл в Туапсе, где тогда находился эвакуированный Одесский корпус, в конце июля 1919 года. Корпус помещался в невероятно запущенном здании местной гимназии и насчитывал не более 80-90 кадет Одесского и Полоцкого корпусов. Большинство старших кадет были еще на фронте и в 1-й роте было менее 20-ти человек.

Условия нашей жизни в Туапсе были очень тяжелые: корпус не имел ни средств, ни запасов одежды и белья, не было ни нормального питания, ни какой-либо обстановки. Многие ходили босиком и почти без белья, благо погода стояла благодатная. Спали на полу, ни кроватей, ни матрасов не было и в помине; кормили так плохо и так недостаточно, что голодовка приводила к болезням. В нашей комнате стоял шкаф с остатками предметов физического кабинета, где были также и сосуды со спиртовыми препаратами по естественной истории. Половину комнаты занимал деревянный помост, который повидимому раньше был сценой. И все здание, и наша комната, так наз. 1-й роты, были полны насекомых, мышей и крыс; по ночам иногда было совершенно невозможно спать, т. к. под досками сцены происходила невообразимая возня, писк и драки. Пытались бороться со всем этим, но толка было мало.

Присмотра за нами почти не было; директор — полк. Бернадский и ротный командир полк. Навроцкий, иногда порывались наводить подобие порядка, но без особенного результата. Тем не менее, я не помню никаких особенно крупных нарушений дисциплины, за исключением ежедневных самовольных отлучек, на которые в общем смотрели сквозь пальцы.

К концу лета стали приезжать с фронта некоторые Одесские кадеты; появилась также группа в 15 кадет Ташкентского корпуса, которых тоже направили сюда из добровольческих частей Туркестана. Все мы, несмотря на принадлежность к разным корпусам, немедленно сживались в тесную семью, где нерушимо соблюдались кадетские заветы товарищества, спайки и взаимной поддержки. Особенно запомнился мне одессит Сенько-Поповский, здоровенный детина, уже кончивший корпус и приехавший в Туапсе за какими-то бумагами или аттестатом. Он был в частях ген. Шкуро и приехал в походной ка-

зачьей форме, с шашкой, в кубанке и в невероятно грязной гимнастерке, которая у него была единственной. Добродушный, веселый и остроумный, органически не признававший никакой дисциплины, он немедленно сделался любимцем всех и мы засиживались до поздней ночи, слушая его рассказы про действия частей ген. Шкуро, где фантазии было, вероятно, больше чем правды. Очень скоро он «заскучал» и признался, что давно хочет выпить, но что денег у него ни гроша. Мы не могли ему помочь, т. к. и у самих не было ни копейки. Однажды вечером он стал разглядывать наш шкаф и просиял: — «В чем дело?» спросил его кто-то. Показывая на стеклянные сосуды, он сказал, что ведь в них же спирт! Помню, мы возмутились: во 1-х, спирт подкрашенный и с чем-то смешанный, да и вообще неизвестно, что это за спирт, а во 2-х, в нем заспиртованы какие-то существа, не то рыбы, не то пресмыкающиеся или их зародыши. Но Сенько-Поповский заявил, что «у нас, у Шкуро, мы и не это еще пили!» И, действительно, выпил и не поморщился, зато у всех к горлу подступила тошнота от одного этого зрелища.

Скоро я заболел желтухой от скверной и недоброкачественной пищи. Кажется, это была несвежая рыба. Сенько-Поповский как нянька ходил за мной и просиживал часами на полу, рядом с моим ложем, развлекая меня рассказами. Когда я стал поправляться и мне потребовалось лучшее питание, которое ни корпус, ни кто-либо другой дать мне не могли, он организовал какой-то поход в горы за орехами, которые где-то продал и с торжеством принес мне бутылку молока, купленную на эти деньги, чем растрогал нас всех до последней степени.

Вспоминается мне также и один из ташкентцев, Габриэль, тоже здоровый, крепкий, грубоватый, из породы вечных второгодников. Однажды, раздобыв где-то денег, он и еще кто-то, надрались на голодный желудок до того, что впали в совершенно мрачное настроение и стали обходить фруктовые лавки, принадлежащие грузинам, спрашивая повсюду со зловещим видом, — «Гвозди есть?» После того, как они обошли первые 5-6 лавок, все остальные стали поспешно закрываться и скоро на улице не осталось ни одной открытой. На следующий день опять повторилось то же самое, но с другого конца улицы. Тут уж грузины не выдержали и пожаловались директору. Габриэлю посоветовали прекратить поиски гвоздей. Скоро все

ташкентцы нас покинули и вернулись на фронт, т. к. слишком отвыкли от оседлой жизни и не могли заставить себя жить даже в такой обстановке, которая лишь отдаленно напоминала корпусные порядки.

Большое оживление вносила в нашу жизнь вражда со скаутами и гимназистами, которой заинтересовался весь город. Началось это, конечно, из-за того предпочтения, которое туапсинские барышни оказывали кадетам. Никто из них не догадывался о том, что наши покорители сердец принуждены были одалживать у друзей различные части форменной одежды, начиная с пары сапог и кончая чистой гимнастеркой, чтобы выходить на прогулки прилично одетыми и поддерживать «честь мундира». Но, так или иначе, штатская молодежь осталась «за бортом» и начала нам мстить, причем столкновения принимали нередко такую форму, что нам запретили выходить в город по одиночке.

Эта вражда кончилась двумя футбольными состязаниями; вызов мы получили совершенно неожиданно, в письменной форме, а игра была предложена через 2-3 дня. Мы были поставлены в крайне тяжелое положение, т. к. настоящих, хороших игроков у нас не было, для тренировки времени не оставалось и у многих даже не было хороших сапог, не говоря уж про настоящие буцы. Но отказаться было невозможно и позорно. Пришлось наспех составить команду, причем ввели в нее даже нашего фельдшера и, конечно, Сенко-Поповского голкипером, приняв все меры к тому, чтобы в день состязания он был трезвым. На это состязание собралась громадная толпа народа и каково же было общее изумление, когда мы в два хавтайма кончили игру со счетом 11 : 0 в нашу пользу. Вечером скауты пытались снова вызвать нас на драку и забросать камнями окна школы, но мы их разогнали. К следующему воскресенью мы получили новый вызов и снова победили с результатом 3:1. Обе эти игры были исключительно жестоки и зверски; оба раза я вывихнул ногу, кого-то чуть не убили, обоюдное ожесточение было неописуемо. Ташкентцы уехали как раз перед этим и принять участия в игре не могли, но нам удалось выйти победителями и без них, а после этих состязаний вражда погасла как-то незаметно и больше не возобновлялась.

То, что я описываю, может создать ложное впечатление о том, что в нашем быту не было ничего, кроме драк со скаутами и озорства. Но это не так. По праздникам и воскресеньям

нас строем водили в церковь и для этого все подтягивались, приводили в порядок одежду и проходили по улицам с полным сознанием того, что на нас лежит долг поддержать репутацию корпуса, как строевой части. Часто собирал нас капитан Билетов и составлял хор, который разучил много песен и пел их на балконе школы. Некоторые из нас иногда ходили с ним на охоту в горы, но это было опасно, т. к. в горах были зеленые, которые иногда тревожили население, а один раз даже обстреляли наших «охотников». По 2-3 раза в день ходили купаться в море, обгорали на солнце и снова спускались в теплую, ласковую воду. Жили мы все дружно, старались не замечать нищеты и голода, ждали с нетерпением возможности вернуться в Одессу, которая была освобождена от красных десантом Добровольческой Армии, 23 августа 1919 г.

Наконец, в начале октября, пришло радостное известие о разрешении возвращаться в Одессу, в старое помещение, корпуса, и приступить там к занятиям. В Туапсе пришел вспомогательный крейсер «Цесаревич Георгий», чтобы нас забрать. Двух кадет, меня и Голикова, послали на корабль для распределения мест и мы с большим комфортом ночевали там в каюте, после спанья на голом полу в Туапсе. На следующий день с утра корпус погрузился. Масса народа пришла нас провожать и мы вышли сначала в Крым, потом в Одессу. Первая ночь была бурная, сильно качало и многим было дурно. Ранним утром, окруженные стаей дельфинов, мы уже подходили к Ялте. Собравшись у носового орудия, мы оживали на солнце и любовались картиной приближавшегося берега. В Ялте мы простояли около часа и скоро пошли в Севастополь.

В Севастополе мы простояли целую неделю, т. к. не могли добиться получения угля. Это время мы употребили на целый ряд экскурсий и успели осмотреть все, что напоминало об осаде Севастополя в Крымскую кампанию. Вспоминается мне, что на Малаховом Кургане, недалеко от бастиона, были три могилы красноармейцев, убитых в 1918 году, при наступлении немцев. Невольно мы подумали, что красные обязательно осквернили бы и уничтожили могилы добровольцев, если бы нашли их в занятом городе.

На катерах мы совершили переход через бухту и осмотрели Братское Кладбище. Всех нас умилил сторож, ветеран обороны, седой старик инвалид. Потом отправились и долго осматривали израненый корпус «Императрицы Марии», нахо-

дившийся в сухом доке, вверх дном. Наконец, погрузили долгожданный уголь и мы вышли в Одессу. Медленно выходя из бухты, прошли мимо крейсера «Генерал Корнилов» и линейного корабля «Генерал Алексеев» (быв. «Кагул» и «Император Александр III»), обменявшись взаимными приветствиями с ними. На обоих судах, по борту, выстроился экипаж, оркестр музыки и звуки ура приветствовали нас — мы так ярко в эту минуту почувствовали нашу принадлежность к военной семье и нашу общую братскую, добровольческую связь!

Весь переход до Одессы было пасмурно и сильно качало. Утром, наконец, пришли в Одессу, погрузили вещи на подводы и к полудню уже прибыли в корпус, где уже ждал нас полковник Самоцвет, командир 1-й роты, про которого мне так много рассказывали в Туапсе, и которого так боялись и так любили. Так кончился период жизни корпуса на Кавказском побережье. В те дни еще ничто не предвещало скорой катастрофы, будущее казалось ясным и мы верили в то, что жизнь войдет в свою колею. Но прошло всего лишь 3-4 месяца и стремительное отступление Добровольческой Армии заставило и корпус покинуть родные стены . . . но об этом уже много и подробно писалось.

А. Росселевич

ВОСПОМИНАНИЯ

"Фуражка милая, не рвися,
С тобою жизнь моя прошла . . . "
Из кадетской песни.

"Вспоили вы нас и вскормили
Отчизны родные поля . . . "
Из песни Добр. Армии.

Часть I

ГЛАЗАМИ ПЕРВОКЛАССНИКА

1. ФЕОДОСИЯ :

Проходят года, притупляется память. Нередко трудно вспомнить то, что еще вчера было.

Но где-то глубоко, внутри, копошатся воспоминания детства и вырисовываются яркими, живыми отдельными картинами. Все труднее на склоне лет связать их в общую панораму, ибо многих полотен недостает, а другие побледнели и выцвели так, что даже кое-где просвечивающие контуры и узоры рисунков не дают возможности восстановить их полностью в памяти.

Вот из этих ярких картин прошлого и из тех, что уже вылиняли, вырисовывается кадетский интернат в городе Феодосии.

Основан он был при Киевском Константиновском пехотном училище приказом главнокомандующего Добровольческой армии, генералом Деникиным.

Целью основания интерната было желание стянуть в него кадет, разбросанных на юге России и создать нормальные условия для окончания среднего образования. Несмотря на эту возвышенную цель, вначале интернат пополнялся весьма слабо добровольно прибывающими юнцами. Ядром его были младшие кадеты Сумского корпуса во главе с полковником князем Шаховским.

Главным образом пополняли его малыши, прибывшие в Крым со своими родителями, а иногда и в одиночку. Иногда появлялись маленькие группы, которым удавалось вырваться из городов, уже занятых красными. Кадеты чуточку постарше годами обыкновенно старались примкнуть к какой-либо встреченной на пути боевой части и многие из них, плечом к плечу со своими старшими товарищами участвовали в

кровавых стычках и боях с большевиками. Они настолько привязывались к своим частям, что добровольного отклика на призыв главнокомандующего ожидать было невозможно. Тогда их начали водворять в интернат или хитростью, или попросту силой.

И вот уже на молу набережной, около пакгаузов, около табачных фабрик Стамболи и Месаксуди, около пляжей, на базаре или на Итальянской и Карантинной замелькали фигуры малышей-военных в кадетских или лихо заломанных английских фуражках, в мундирах, рубашках, защитных френчах или в кожаных безрукавках, в кавалерийских зеленых рейтузах с нашитыми светлыми кожаными леями, уродливо намотанными обмотками, в огромных, по лошадиному подкованных, «танках». Только по погонам можно было определить из каких городов необъятной России слетелись птенцы в новооснованное кадетское гнездо.

С каждым днем интернат пополнялся новыми питомцами. Водворяли их силой. Привозили вшивых, изорванных, разутых, больных, а иногда только что оправившихся от ран. Все они заботами начальника интерната князя П. Н. Шаховского и двух единственных воспитателей-капитанов Шевцова и Шестакова — при участии катпенармуса приводились в христианский вид, иногда наталкиваясь на упрямство и недоброжелательность новоприбывших. Их мыли, стригли, переодевали. Отбирали все, от головного убора до портянок включительно, поскольку у некоторых такие все же были. Вместо засаленных и испачканых до неузнаваемости цвета фуражек и бескозырок, выдавались английские защитные «блины», которые в несколько мгновений при помощи колен и рук получали свой новый «заломанный» фасон, господствовавший, в те времена, в военной среде.

Большое, не по росту, неуклюжее английское обмундирование, включая длиннющие обмотки, которыми с успехом до трех раз можно было перемотать детские ноги, безобразили фигуры кадет. И уж, конечно, не могли вызвать завнсть у местных гимназистов и восхищение женского пола (соответствующего возрасту кадет).

О стройности и подтянутости, каковой славой еще недавно пользовались в России кадеты, нельзя было и мечтать при самой буйной фантазии. Да и как создать эту подтянутость, когда бриджи у большинства доходили (под френчами) чуть ли не до подбородков. Единственно можно было создавать намек на талию перетягивая френчи кожаными поясами, от чего они

вздымались на кадетских спинах надутыми парусами и еще больше безобразили фигуры. Но зато все это было чистым, сухим, теплым и защищало от временами бушевавших нордостов. Поэтому «публика» с этим мирилась, постепенно собственными руками переделывая, перекраивая и создавая из этих даров «гордого Альбиона» что-то свое собственное, которое более отвечало тогдашним вкусам.

Начальство на это не обращало внимания, было не до этого. Разве что иногда, перед строем, кто-нибудь из воспитателей съязвит: «У кадета (такого-то) одна штанина галифе, а другая свиное ухо».

Но своих погон, прибывающие фронтовики, не сдавали. И не было такой силы, которая бы заставила их расстаться с ними. Были тут, кроме погон разных кадетских корпусов, и черно-красные корниловские и малиновые дроздовские и черные марковские и даже, помню, у одного из юнцов погоны кирасир Его Величества, с которыми он никогда не расставался, даже тогда, когда в интернате были введены однообразные — красные, солдатские без всякого трафарета.

Как будто это было вчера, так хорошо запомнилось лицо этого юного «кирасира». Георгиевский крест на защитном английским френче перепоясанном лакированным, потрескавшимся поясом с до сумасшествия начищенной кадетской бляхой. Выходя из корпуса в город, он тут же, за углом, занимался переодеванием погон и щеголял в погонах полка, в котором принял свое бевое крещение и не раз, как равноправный однополчанин, ходил в штыки со своими взрослыми товарищами. А ведь трехлинейная винтовка с привинченным штыком должна была быть выше его роста, примерно, на целый штык.

Многие из прибывающих в интернат долго в нем не задерживались и при первом удобном случае бежали на фронт, на передовые позиции. Были и такие, которых по несколько раз силой водворяли в интернат, хотя бы для того, чтобы «побриться и выкупаться», как на их счет острили наши воспитатели. И многие исчезали опять, чтобы больше уж никогда не появиться в кадетской среде, похороненные в братских безымянных могилах защитников былой славы и Белой идеи, разбросанных по безбрежным равнинам юга России . . . От Орла до Перекопа . . .

Некоторые, которых не принимала ни одна добровольческая часть по малолетству, прибывали в интернат добровольно (?). Другого ничего и не оставалось. Пробирались они в

Крым маленькими группами или в одиночку. Был даже такой «мужичок» — он пробирался откуда-то с севера, долго и упорно. Слетались из разрушенных гнезд, растеряв родных и родителей. Помню одного москвича «истребителя калачей» с трафаретом Екатерины II на красных погонах, какой-то киевлянин, «драпнувший» не то от батьки Махно, не то от гетманщины и скитавшийся долгие месяцы вокруг да около, пока кто-то не направил его по верной дороге. Помню двух орловцев Богалдина и Ситарского. Их дорога на юг была сплошной авантюрой. Полный добродушный «Боголдуша» и суховатый Ситарский с неисчерпаемым запасом происшествий, граничащих с фантазией барона Мюнхгаузена, которые, мы малыши слушали, разинувши рты и развесив уши.

Поступали в интернат и новички еще недавно бывшие «шпаками». Одна из групп «шпаков» прибыла из Севастополя. Почти все были детьми моряков: Братья Казнаковы, братья Шевченко, Ментов, Афанасьев. . . К таким же «шпакам» относился и я с моим старшим братом. Обоих нас зачислили в младший возраст и попали мы под команду полковника Некрашевича.

К тому времени воспитательский состав состоял уже из трех воспитателей и начальствующего князя Шаховского. Преподавателей, насколько помнится, было не больше, если не меньше, и заимствовали их из военного училища. Разбить нас на классы все еще не было возможности по разнообразию знаний (или вернее незнаний). Поэтому были введены «возрасты».

Вспоминается наше первое появление в военной форме (мое и брата) в квартире родителей в доме богатого винодела и поставщика двора Его Величества синьора Бианки. Дом находился в начале Карантинной, но это было почти на периферии города. После эта улица и целый край будут местом кровавой расправы с теми, которые по каким-либо причинам не смогли эвакуироваться с добровольческими частями в ноябре 1920 г.

Для того, чтобы прийти домой, мы с братом должны были пересечь площадь, вымощенную булыжником, в середине которой стояла колонка с водой, около которой было всегда людно и шумно. Это был один из тех несносно знойных, душных дней, когда от окружающих раскаленных скал пышит таким жаром, что не чувствуется никакой свежести от близлежащего моря. Пот ручьями стекал по нашим лицам, а одежда неприятно липла к телу и казалась предательски тяжелой, не по нашим си-

лам. В этом не было ничего удивительного: еще не перешитые рейтузы доходили нам до горла, а перетянутые ремнями английские френчи висели мешками и не пропускали внутреннего тепла наружу.

Но хуже всего были по нескольку раз на одних и тех же местах намотанные обмотки и наши детские тонкие ноги, в этом наряде напоминали ноги слонов или какие-то несуразные чурбаны. И в довершение к ним это гениальное изобретение гордого Альбиона, кожаные «танки». Не думаю, что это чудо двадцатого века только из-за своей тяжеловесности получило свое название, но, вероятно, и из-за производящего грохота и скрежета, какой и мы с братом производили, неумело передвигая ноги в этих сооружениях по булыжной мостовой, высекая гвоздями целые снопы искр из под подошв . . .

Подыматься в гору было сплошным мучением, ноги скользили по каменной мостовой, мы спотыкались, на увеселение татарчат и татарок, сошедшихся к колонке, но мы не сдавались и, поддерживая друг друга с чувством какой-то новой гордости, что мы уже военные, перли вверх. Потом на обратном пути оказалось, что спуск с горы был еще более затруднительным и то, что мы не искалечили наших ног можно приписать только счастливому случаю.

Встреча с отцом очень напоминала встречу гоголевского Тараса с сыновьями. Разница была только в нашем домашнем воспитании, да и возрасте ради чего в драку с отцом мы не полезли. Мать застала нас уже дома, и отец, знакомя ее с новоиспеченными кадетиками, не смог, чтобы не съехидничать:

«Любуюсь своими Фанагарийцами!»

Свою военную службу отец начал в этом полку, и поэтому его понятие о доблести и красоте было связано с именем этого гренадерского полка, чьим шефом был генералиссимус Суворов. Вероятно, он предвидел узреть перед собою таких же бравых и подтянутых юнцов, каким он сам был в молодости. Теперь же перед ним было два «огородных пугала», как он окрестил нас при первой встрече.

Несмотря на неудобства и мучения, происходившие от нашей «кадетской» формы, все мы добровольно подвергали себя уже настоящему мучению, появляясь на Итальянской улице, где (как нам казалось) лихо отдавали честь юнкерам и офицерам. Оно носило характер нескончаемой непрерывности и рука при первом поднятии к козырьку не отрывалась от него до того момента, когда она теряла всякую чувствительность и немела.

Тогда приходилось сворачивать в первый закоулок, где, по всей вероятности, не было военных.

Случайно попавшие в Феодосию «представители» антанты с любопытством рассматривали нас, как будто мы были детьми другой планеты. На наши военные приветствия некоторые из них удостаивали нас поднятием руки к головному убору, а англичане «отмахивались» стэком, как бы невзначай щелкнувши им по козырьку фуражки. Как-то нашелся между ними и такой, который, поманив к себе рукой, протянул плитку шоколада, что было воспринято нами, как помощь Ллойд Джорджа борцам Добровольческой армии. Тогда мы еще не догадывались о том какой мрачной фигурой вырисовывался сей маститый муж на фоне российского лихолетья.

Однажды, прогуливаясь по Набережной, мы, несколько малышей, нарвались на целый фонтан матерщины по нашему адресу. Мы с недоумением глазели на ругавшего нас типа, буквально ничего не понимая, ибо еще не были знакомы с этим художественным ответвлением богатого русского языка. Но инстинктивно понимали, что этот тип является нашим врагом и что в смысле его слов много угрожающего и зловещего.

Этот эпизод я упомянул, как иллюстрацию к тому, что, несмотря на революцию, разные потасовки и переживания, мы все еще были воспитанными мальчиками и похабщина еще не успела проникнуть в наши ряды. Но это совсем не значит, что во всех других отношениях мы были «паиньками», об этом будет речь дальше.

Запомнился парад по случаю поражения Жлобы. Молебен на площади. Прохождение церемониальным маршем. Мы проходили вслед за юнкерами, бодро печатавшими шаг. Наши воспитатели чувствуя, что этот шга не для нас малышей, старались перед нами семенить ногами, давая этим нам возможность подтянуться. Но старшие, желая сохранить требуемую дистанцию и не отрываться от юнкеров, ретиво рвались вперед, а мы за ними летели галопом, насколько это позволяли танки. Со стороны это зрелище должно было быть очень комичным.

Но все же мы были встречены овациями, как будто именно мы были виновниками этого торжества. После парада нас ожидал завтрак с обилием сладостей и фруктов, посланных нам дамами-патронессами. Отдавая должное истине, надо сказать, что не раз нас баловали сладостями, как местные состоятельные семьи, так и те из беженцев, которые все же что-то успели захватить с собою, оставляя родные места. Всем этим

руководило дамское общество. Этими воспоминаниями я отдаю должную честь русским женщинам, не забывшим в трудные минуты таких же несчастных, как и они сами, может быть, только чуточку более обездоленных.

Мы увлекались военными событиями на передовых линиях и строили самые чудовищные выводы и заключения, на основании тех обрывков слухов, которые доходили до нас и, конечно, толковали по-своему. В этом нам помогали наши старшие товарищи-«стратеги», побывавшие на фронте. Для каждого происшествия, для каждой злободневной новости они имели в запасе свое собственное, точно такое же, а иногда и похлеще. А когда дело доходило до спора или до «обмена мнениями» последнее слово оставалось за «фронтовиками», а покушавшийся оспаривать чепуху, которую несли эти знатоки военного дела, получал или подзатыльник или просто «Заткнись!».

Приходилось придерживаться общеизвестного: «Не любо — не слушай, а врать не мешай». Обыкновенно «затыкались». Да и что говорить, никто как «фронтовики» пользовались у нас неопровержимым авторитетом и соответственно этому и уважением и завистью. Помню вихрастого москвича-николаевца, на синих погонах которого блестели перекрещенные медные пушки. Как уверял этот «бомбардир», он получил их «лично» (что было особенно подчеркнуто) от командира батареи за умелую наводку (?)

Что это означало, между нами, знали не многие. Но тайно все мы завидовали ему и за эти медные пушки (Бог знает каким путем им прижитые) и за «умелую наводку». Несколько раз он бежал из интерната на «свой» бронепоезд, и снова его водворяли к нам обратно. При последнем побеге он так и не вернулся. Уже будучи в Югославии в Стрнище в день праздника Георгиевских кавалеров в рядах юных героев промелькнуло снова передо мною его знакомое вихрастое лицо. Лицо юного «артиллериста».

Постоянного числа воспитанников интерната не существовало. Жили по поговорке «в тесноте, да не в обиде». Воспитательско-педагогическому составу из нескольких человек заниматься и воспитывать нас было не легко. Наше воспитание и знания были самые разнообразные. К тому же сказывалось на воспитании уже пережитое и еще переживаемое в это трудное и распущенное время и, конечно, отрицательное влияние «фронтовиков», вносившее в детскую жизнь солдатскую грубость и

дурные привычки вплоть до площадной ругани, курения, а иногда даже до бравирования употреблением спиртных напитков. Правда, об этом последнем, что это именно было так, утверждать не берусь. И, может быть, редкие появления некоторых из «фронтовиков», в положении «на веселе» были только наигранными. Но площадная брань, которой при моем поступлении в интернат не существовало, постепенно вползала к нам и как всякий дурной пример становилась заразительной.

Занятия, если о таковых можно говорить, происходили в помещениях местной гимназии, расположенной по близости от казарм. Происходили они в самое разное время.

А учились мы «понемногу», если вообще это можно назвать учением: не было преподавателей, не было учебных пособий. Чаще всего мы оставались в классах с нашими воспитателями, так как преподаватели по каким-то причинам не приходили на уроки. Наш педагогический (постоянный) состав не превышал трех преподавателей. Это были Н. Н. Доннер, Писаревский и Казанский. Кто и что преподавал не запомнилось. После отправки в Орианду старших кадет нас, оставшихся, разделили на два возраста, но от этого учение вперед не продвигалось. Иногда нас приводили в классы, воспитатели оставляли нас, а преподаватели на урок не приходили. Это называлось «свободными» уроками, которым мы особенно радовались, устраивая в классах сплошной балаган. Устраивали «мала куча», «давили масло», играли в чехарду или развлекались щелчками и другими «азартными» играми, вследствие чего кто-либо оставался с синяком или подбитым глазом. На переменах, если в то же время происходили занятия и в младших классах гимназии, затевали драки со «шпаками». Иногда делали «вылазки» в окрестные фруктовые сады. Набивать пазухи и карманы наших широчайших бридж нежными душистыми «ранетами» воровством не считалось и даже поощрялось, как уменье и ловкость. А то, что капитан Шевцов на следующий день, после такой «вылазки» приветствовал нас перед строем с «Здорово, воры!» нисколько не смущало нас и мы как всегда дружно гаркали «Здравия желаем сын тан . . . !»

У нас были собственные понятия о вопросах чести и уклада жизни, что (совсем логично) не отвечало вкусу и желанию наших «зверей» (педагогов и воспитателей). То что они рассматривали, как воровство, нами третировалось, как удаль. Ведь мы были полны энергии и на что-то ее нужно было употребить.

Был у нас даже неписанный кодекс своих законов и правил, как и понятий о морали.

Если «в складку» мяли бока какому-либо зазевавшемуся гимназисту, которому кто-нибудь из нас «случайно» подставил «ножку», это было вполне нормально: во-первых он был «шпак», а во-вторых «не зевай!». Но совсем иначе расценивалось, если гимназисты «мяли бока» кому-нибудь из наших. Ибо, опять же это были «шпаки», пользовавшиеся «нечестностью», подставив нашему малышу «ножку». Тут уж начинало действовать правило «все за одного» и начиналась общая потасовка, иногда переходящая в настоящее побоище. Кончались они всегда интервенцией наших воспитателей и гимназических классных наставников.

Схитрить, соврать что-либо «зверю» и даже не выполнить его приказания, по нашим понятиям, было мудро и граничило с геройством. Но солгать или не выполнить приказания постороннего офицера, хотя бы курсового из училища, считалось предосудительным и недостойным кадета, ибо он был *офицер.*

«Спереть» у торговки на базаре грушу или кисть винограда не считалось преступлением. Это было «умение». «В другой раз не зевай тетка!» Отобрать, при помощи какой-либо хитрости, на виду у всех, какое-либо лакомство от своего же малыша не ставилось в вину насильнику. Он действует «в открытую». Но взять то же лакомство скрытно от других и хозяина, считалось недопустимым воровством, которое не прощалось провинившемуся. Такому обыкновенно устраивалась «темная» и били его смертным боем, а после еще держали на бойкоте. Площадная ругань, насколько помню, внедрилась уже к концу пребывания интерната в Феодосии и занесли ее все те же «фронтовики».

Шпаргалки и подсказывания на уроках считались оправданными, но ни к одному из этих способов просвещения юнцов не было никакой нужды прибегать. Я не помню, чтобы нас вызывали к доске для ответов. . . Даже не помню, чтобы нам ставили баллы. Если не ошибаюсь, то единственный балл, который я имел за все мое пребывание в интернате был за поведение. Обещать разрешалось, что угодно и кому угодно, но это и не значило выполнение обещанного.

Но . . . Если к такому обещанию еще давалось не какое-либо, а «честное слово кадета», то тогда хоть лопни, а обещание выполни. В противном случае для «ряжки» провинившегося

могли оказаться чреватые последствия. И такому в «серьезном» случае могли общим судом «спустить сопатку» (разбить нос). «Честное слово кадета» считалось чем-то магическим и с ним не шутили. Мена вещей и предметов личного обихода всегда царила во всех русских учебных заведениях. Было это и у нас и в этом не было ничего удивительного. Но все же следили «в оба» (глаза), чтобы сделка была доброкачественной и чтобы не было обмана товарища. Допускались и другие, самые разнообразные сделки.

Вспоминаю двоих левофланговых. В первой шеренге Вова Шевченко — «крыса», в затылок Шмельц. Шли мы строем не то на купание, не то возвращались с пляжа. Не знаю по какой причине, но у Шмельца вдруг появилось желание сделаться выше Шевченко. Для этого надо было поменяться местами и перейти в первую шеренгу. Может быть, он попросту хотел, хоть на момент ощутить себя не самым маленьким, что ему очевидно надоело. За это он обещал Вовке отдать причитавшуюся ему порцию винограда, который в этот день интернат получил от какой-то милой дамы, нашей благотворительницы. Сделка состоялась и теперь уже Вова оказался самым левофланговым, а Шмельц «на голову выше». Такое соглашение никто из нас не оспаривал и не осуждал. Оно было полюбовным. А от перемены мест слагаемых сумма не изменилась, да и полковник Некрашевич тоже ничего не заметил.

Очень скверные воспоминания связаны с нашим питанием. Было оно слишком однообразным и часто недостаточным. Самым нелюбимым блюдом были у нас всевозможные перловые каши. Иногда ввиде «размазни», иногда на подобие «шрапнели». Это название так и сохранилось за ней на нашем кадетском языке.

Для наших же воспитателей была она («шрапнель») настоящим бичом Божиим. При наличии этого блюда в столовой начиналась «перестрелка». Делалось это следующим образом: ложка наполнялась «шрапнелью» и водворялась на стол в вертикальном положении так, что содержимое ее было направлено в сторону выбранной жертвы. Затем быстрым движением правой руки углубление ложки с содержимым оттягивалось в обратную сторону от жертвы, одновременно делался прицел и «выстрел». Содержимое ложки, если прицел был точный, попадало в физиономию жертвы. При этих операциях требовалась особенная ловкость и быстрота, которыми не все из нас обладали. И часто «шрапнель» попадала не по назначению, а

в кого-либо из силачей, следствием чего иногда были драки. С размазней дело обстояло еще хуже: ее, попросту, или выливали на некрашенные столы и тут же для подтверждения названия, руками размазывали по поверхности столов. Или же, наполнив ложки, брызгали содержимым во все стороны, что по понятным причинам, приводило в ярость присутствовавшего в столовой воспитателя; особенно капитана Шевцова, который называл нас хулиганами и выгонял из столовой.

Теперь, когда уже прошло после этого 50 лет, и после того, как я попал в Америку, я задаю себе вопрос: что бы сказал капитан Шевцов, когда на экране телевидения узрел бы любимый юмор американцев, запускающих друг-другу в физиономии не осточертевшую ненавистную размазню, которую отказывались воспринимать наши кадетские желудки, а первоклассные сладкие пироги покрытые густой пеной взбитых сливок?

Ведь мы не бесились с жиру. Это только был своеобразный детский протест, конечно, все же не лишенный хулиганства.

Еще несколько слов о препровождении нашего свободного времени:

В холодные дни норд-оста, когда мы не могли купаться в незабываемом Черном море, ловить бычков на самодельные крючки из загнутых булавок или заостренных гвоздей, шататься по набережной или устраивать набеги на татарские фруктовые сады для того, чтобы «отомстить неразумным хазарам».

Любимым нашим занятием было пение. Пели все без исключения. И с голосами и безголосые. И со слухом и без. Больше всего пели боевые добровольческие песни. Но пели и модные, и «яблочко» и «жареного цыпленка» и даже песенки Вертинского. А «журавель» был просто несмолкаем. Пели как умели, чем шумнее и громче — тем лучше, а «дравшие козла» получали тумака. Но на фронтовиков тумаки не распространялись. Иначе и быть не могло, ибо, по их словам, у них в «полку» пели именно так. Перед такими необоримыми доказательствами нам приходилось «затыкаться».

Вспоминается последний день проведенный в стенах интерната.

Последний день на родной *земле*.

Как сейчас вижу высокую, дородную фигуру князя Шаховского, собравшего всех нас перед цейхгаузом. Слышу, как он приказывает каптенармусу выбрасывать из цейхгауза все

содержимое и разрешает каждому из нас брать то, что ему необходимо. И как ни странно, но в эти моменты все мы были объяты не детской серьезностью . . . Даже не было попыток к созданию такой любимой «мала куча» или розыгрыша вещей «на шарап». Спокойно один по одному мы подходили к разбросанным вещам, выбирали то, что казалось нужным и отходили в сторону.

В полном порядке в тот же день весь интернат был посажен на «Корнилова».

Лично я и мой брат, по желанию отца, который по своей инвалидности был временно прикомандирован к Киевскому пехотному училищу, эвакуировались на транспорте «Дон» . . .

Со своими однокашниками встретился я уже в Югославии, в Стрнище, когда интернат был полностью влит в состав Крымского Кадетского Корпуса.

Таким образом с днем эвакуации из Феодосии нашего интерната совпадает и конец первой части моего пребывания в первом классе. Всего их было три, пока, наконец, я попал во второй класс.

"Феодосию мы никогда не забудем.
Мы по запаху Черное море найдем . . . "

Алексей Мальчевский.

Этот период жизни посвящаю одному
из «стаи славных», помогавшему воскресить в памяти
дни нашего нелегкого детства — Вове Шевченко.

КАДЕТСКИЙ ТЕАТР В СТРНИЩЕ

Все меньше остается нас, кадет той первой роты Крымского Корпуса, которая втиснулась в знаменитый 4-й барак Стрнищенского лагеря после трагического исхода из Крыма. Многие молодые жизни сломались уже в начале зарубежного периода, а многие уходят теперь, раньше срока, из-за пережитых моральных и физических переживаний и лишений в юношеском возрасте.

Деревянные, крытые толем, бараки, служившие во время войны 1914-18 годов тюрьмой для русских военнопленных, уже по своему назначению не содействовали психологическому подъему духа у смятенной молодежи, а суп из брюквы, по рецепту австрийских лагерей, и желтые макароны со вкусом сапожного клея, дополняли общую картину уныния.

Уныло шумели сосновые леса, окружавшие лагерь, печально и жутко вскрикивала в ночной темноте сова.

В одну из таких ночей сломалась первая жизнь— бросился под поезд наш полтавец Женя Беляков. Через пару недель, упал в проходе между кроватями в нашем бараке, выстрелив себе в голову, кадет-сумец Иляшевич.

Обстановка создалась тяжелая, заговорили о клубе самоубийц *) и с подозрением приглядывались друг к другу.

В эти дни многое зависело от наших воспитателей. Конечно, и они были морально подавлены событиями, и перед ними и их семьями стояла проблема новой жизни, полной неизвестности. Были между ними люди разных достоинств, но я хочу здесь сказать о светлой памяти нашего незабвенного воспита-

---

*) **Примечание редактора.** В целях подобающего освещения истины в вопросе предполагаемого существования в начальный период пребывания Крымского Кадетского Корпуса в Стрнище клуба самоубийц нами были собраны все возможные в данное время сведения.

Резюмируя данные, полученные от нескольких старших кадет первых выпусков, можно заключить, что фактически такового клуба не существовало.

Обвиненный в организации "клуба" подпоручик Марковской артиллерии Хоцянов, проживавший в беженской колонии лагеря Стрнище, поддерживал связь кадетами марковцами и некоторыми другими и у него в комнате происходила карточная игра. Досужий домысел приписал этой игре трагический смысл в виде расплаты проигравшего жизнью. Видимо эту версию охотно поддержали кадеты полтавцы, служившие в марковской артиллерии и посещавшие Хоцянова, в результате чего начальство послало их поправить нервы в санаторию в Зеленику на берегу моря где они отдыхали в обществе Донских институток.

Печальные случаи двух самоубийств не были последствием деятельности мифического клуба.

теля Петровского Полтавского Кадетского Корпуса подполковника Виталия Михайловича Гончаренко.

Вероятно и ему было не легко подойти к нам, кадетам 6-го класса 2-го отделения (полтавского), где из тридцати юношей половина носила георгиевские отличия и все прибыли в корпус из рядов героической армии, только в силу приказа главнокомандующего генерала барона Врангеля. Но подавляющее большинство было его воспитанниками с 3-го класса и любил он нас как своих детей, как память о милом прошлом в нашей петровской и гоголевской Полтаве. Чтобы отвлечь нас от тяжелых мыслей, чтобы вернуть нам веру в самих себя, как наследников великой русской культуры, поднять наше самосознание и соединить нашу, отвыкшую от облагораживающего женского общества, среду с нашими милыми полтавскими барышнями, в сговоре с Фимочкой и Галей Пограничными, дочерьми нашего полтавского воспитателя, полковника Пограничного и Оленькой Ревишиной, сестрой наших кадет, он предложил нам создать театр.

Я заранее прошу прощения у читателей-однокашников, крымцев, за маленькие неточности, которые произойдут в описании и хронологии развития нашего театра и его деятелей. События ведь происходили 50 лет тому назад и, с одной стороны, недостатки опрывдывает соответствующая возрасту память, а с другой, невозможность получить помощь от бывших артистов — сотрудников, или уже ушедших в лучший мир (Кунаков, Криницкий, Лейман), или затерянных в мире.

Начал Виталий Михайлович, конечно, с непревзойденного Чехова, выбрав мудро классическую вещичку «Свадебный Генерал», где кроме двух-трех ролей почти равнозначущих по достоинству, на свадебном пиру содействуют еще несколько человек. Нужно было выяснить кто может себя вести спокойно, хотя бы даже на сцене 20-го барака, освещенного «рамповыми огнями».

Не стоит и говорить, что все три наши милые полтавские барышни играли.

Вспоминаю чудесные вечера «считок» когда еще дрожащими от новизны ощущений голосами, мы произносили наши реплики, прерываемые указаниями Виталия Михайловича или дружным смехом присутствующих из-за какого-нибудь «петуха» в голосе артиста.

Двадцатый барак, стараниями кадета-сумца Мартынова, был превращен в театр. Следует отметить что, несмотря на есте-

ственную примитивность устройства, сцена имела все классические аттрибуты: ровное рамповое освещение, все данные для кулис и женскую и мужскую гримировальню. Была и необходимая в любительских спектаклях суфлерская будка.

Костюмы для «Свадебного генерала» в общем было не трудно создать. Для меня, капитана второго ранга в отставке Ревунова-Караулова, достали настоящий морской китель, а для Жени Кунакова — от природы длинного как жердь, игравшего роль телеграфиста Ять, невероятно нелепый штатский костюм.

Дамам, игравшим матрон и девиц мещанской среды начала века, яркими шалями и соответственными прическами было не трудно подражать даже «Александринке».

Не просто, по материальным причинам, было разрешить вопрос грима, собственно главным образом, по началу, для меня, игравшего роли «злых стариков». Пришлось выписывать гримера из Марибора, к счастью оказавшегося талантливым мастером своего дела.

И вот день, или лучше сказать вечер, спектакля настал. Сидим все за столом свадебного банкета, очаровательная, жеманная в каких-то шалях «акушерка» Фимочка, две прелестные умницы — прекрасные артистки Галя и Олечка, невероятно комичный, длинный телеграфист «Ять» Женя Кунаков, остальные гости и обливающийся потом от грима, жары в битком набитом бараке и волненья Ревунов-Караулов — я.

Поднят занавес, театр Крымского Корпуса родился. В зале, с высоты сцены различаем грузную фигуру «Деда», директора Римского Корсакова, ряд воспитателей, а за ними море из трех или четырех сотен крымцев от видавших виды кадет первой роты до мелюзги пятой. Вся эта масса возбужденно гудит, комментируя обо всем, таком новом и неожиданном в унылом Стрнище.

С первой репликой зал утихает и жадно слушает. Взрывы смеха вызывает игра прекрасно подобранной парочки «акушерки» Фимочки и «телеграфиста» Ять — Кунакова, но особый успех имеет финальный диалог матери невесты с Ревуновым-Карауловым где он, оскорбленный ею произносит — «вот только пломбир доем и уйду» . . . а она ему кричит . . . «нет, вы и пломбира не доедайте» . . . Вся масса кадет чувствует глубину сатиры Чехова на мещанский меркантильный дух этого слоя общества с одной стороны и серьезно жалеет

старика, которому не дают доесть чего-то, видимо более вкусного, чем пища из стряпни тетки Харитины заведующей кухней. Кстати, котлеты, отпущенные кухней на сценический банкет, были настоящие и артисты, даже волнуясь, успели к зависти зрителей съесть все за короткий период пьесы.

После первого успеха, Виталий Михайлович выбрал следующую вещь Чехова с женскими и мужскими ролями — «Юбилей», для которого пригласил, талантливо отметив физические качества, кадета ташкентца 6-го класса 3-го отд. Мазана, низенького, плотного, ходящего с собственным достоинством и носящего интеллигентское пэнс-нэ, на роль директора банка, а меня на роль нервного старика бухгалтера Хирина.

И эта пьеса имела успех и, как потом и отмечалось, кадетская масса запомнила отдельные реплики из представления и долго их употребляла в обиходе. В «Юбилее» просительница Мерчуткина пристает к директору банка с нелепою просьбой в которой он ей отказывает и объясняет причины, которых она не понимает. Выведенный из себя директор обращается к Хирину и, в отчаянии от глупости бабы, стукает себя пальцами по лбу. Жест этот возмущает Мерчуткину и она кричит директору: «Ты мне не стукай, ты своей жене постукай». Эта фраза вызвала восторг в зале и долго со смехом была слышна в ротных бараках.

Развивая свою культурную, театральную деятельность, Виталий Михайлович уже применив кадета Мазана, не полтавца, желал сотрудничества всех входящих в сборную семью крымцев. Для третьей пьесы, чеховского «Медведя» он пригласил молодую вдову, дочь воспитателя Владикавказского корпуса, полковника Казанцева, красавицу Олечку Табаеву.

Выгодную роль помещика «Медведя», Виталий Михайлович дал мне. Я говорю выгодную потому, что кроме гениальных штрихов, данных Чеховым холостяку помещику, пьеса кончается положением, когда я обнимаю и целую вдовушку помещицу. В этот момент весь зал стонет от криков, где слышно вроде — «Бертельс нахал и не смей», и тому подобное.

На этом кончился «чеховский» период нашего театра, давший инициативу кадетам 7-го класса попробовать свои силы на нашей сцене. В выборе репертуара и режиссуре много помог опытный знаток Михаил Павлович Якушев.

Открылись новые силы, если не сказать таланты. В постановке «Скупого Рыцаря» по Пушкину, Годунский старший

был совершенно великолепен. И здесь кадетская среда выхватила из текста монолога старого скряги слова: «Тут есть дублон старинный . . . вот он . . . » и вскоре «дублон старинный» фигурировал как характеристика не слишком мудрого приятеля.

Прекрасно была разыграна сцена в корчме из «Бориса Годунова». Здесь проявил несомненный талант Флейшер старший, представлявший бродягу-чернеца. Несмотря на то, что он, как кавказец по рождению имел легкий акцент в произношении, этот акцент как-то очень подходил к типу и словам плутяги монаха Варлаама: «пьем до донушка, выпьем, поворотим и донушко поколотим» . . . Конечно эта развеселая фраза, благодаря Флейшеру, запомнилась надолго в Стрнище.

Великолепно были подобраны кадеты артисты по типам к гоголевскому «Ревизору». Особенно хороши были: Самойлович как Хлестаков, тоненький, миловидный юноша, говоривший и в жизни слегка фатовато; кадеты Лейман и Гейман как Бобчинский и Добчинский, небольшие, юркие, вертлявые и непревзойденный в комических ролях Флейшер старший, в роли слуги Осипа. Думаю, что на всю жизнь запомнился зрителям в изображении Флейшера этот плут, забирающий все у просителей купцов когда он говорит: «Подавай все! все пойдет впрок. Что там? веревочка? Давай и веревочку».

В дополнение к театральной драме и комедии наша сцена обогатилась представлением комической оперетки «Иванов Павел». Особый восторг зрителей кадет вызвало распределение ролей — шпаргалку играла прелестная Фимочка, а Иванова Павла наш вице-фельдфебель Жорж Соколов (по прозвищу Артема). Дело в том, что в частной жизни эти персонажи представляли из себя фактическую влюбленную пару, вызывающую комментарии своим молодым счастьем всего лагеря.

Окончился первый год нашего стрнищенского сидения, ушел, окончив курс 7-ой класс, мы полтавцы, основатели театра, перешли в 7-ой и на нашу сцену поднялись новые, недюжинные силы бывшего 5-го класса, перешедшего в шестой — в первую роту. Сразу наметилась деятельная группа, желающая создать все своими силами, но и с помощью дамского зрелого элемента, как мать кадета Верхнеустинского и супруга профессора Малахова.

Группа из четырех кадет, оказавшихся прекрасными артистами: Криницкий, Кусонский, Мольнер и Навроцкий, поставили комедию Островского «Лес».

Беру на себя смелость утвреждать, будучи с детства воспитан на посещении императорских театров в Петербурге, что «Лес», виденный мною в Стрнище сохранил полностью традиции «Александринки».

И тут, в разборе ролей, сказалось отображение характеров артистов. Живой, остроумный, не без легкого ехидства и склонный к богеме Криницкий, был создан для роли Счастливцева, комического актера прогоревшего театра и трагический, величественный резонер Мольнер и в жизни несколько торжественный в движениях и слегка картавый, был поразителен в роли непонятого провинциального трагика Несчастливцева.

«Лесом» кончилось наше пребывание в стрнищенском лесу и мы, семиклассники, покинули наш такой неуютный и такой милый нашим сердцам славный Крымский Корпус в Стрнище, а за нами и корпус переселился в Белую Церковь, оставив пустым наш театр и, к сожалению, много православных крестов на местном кладбище.

Андрей Бертельс - Меньшой
2 в. К.К.К.

РЕШЕНИЕ КРЕСТОСЛОВИЦЫ № 3.

Горизонтально : 5) Фока, 6) Блаж, 10) Або, 11) Кий, 13) Рюш, 14) Трапеза, 16) Зло, 17) Или, 18) Каолин, 19) Матрос, 20) Пси, 22) Янки, 25) Рант, 27) Олигархия, 28) Эпос, 29) Сумы, 30) Атон, 22) Крюк, 34) Олаф, 35) Бытие, 36) АННА

Вертикально : 1) Золотник, 2) Шанхай, 3) Юбилей, 4) Маскарад, 7) Наш полк, 8) Бизерта, 9) Фракия, 12) Корсет, 15) Плюс, 20) Погоны, 21)Игроки, 23) Непал, 24) Иосаф, 25) Ряска, 26) Неман, 31) Обь, 33) Ре.
д23.

«ДАМА В ЧЕРНОМ»

В Стрнище с соседями крымцами у нас были в общем, как и полагается, добрососедские отношения, но в особенности с владикавказцами — там было много кубанцев и терцев, так что «кунацкие» отношения наладились сразу по «сродству душ». Если что-либо нас разделяло с полтавцами, так это, пожалуй, наличие у них «цука» — против этого восставала казачья натура.

Хочется мне рассказать об одном случае, который связан с нашим пребыванием в Стрнище. Я озаглавил бы его «Дама в черном», так как именно она играла в нем главную роль. Наш реальный — трехмерный — мир какими-то своими гранями соприкасается с миром более высших измерений. Это соприкосновение настолько тесно, что иногда в наше привычное, земное существование входят вдруг явления иного, чем наш, мира. И каждое подобное вторжение необъяснимого, в какой бы форме оно ни происходило, неизменно вызывает в людях страх перед непонятным. Вот об одном таком «вторжении» я и хочу рассказать.

Закончился 1920-21 учебный год. Я благополучно перешел в следующий класс и передо мной открывалась заманчивая перспектива целого, свободного от уроков, лета. Правда, денег у меня не водилось, но и без денег, молодой и предприимчивый юнец в 16 лет мог найти в жизни много интересного. Присущая мне склонность к бродяжничеству могла найти свой выход в долгих прогулках по лесу, где каждый уголок манил «неизведанным».

В один из теплых вечеров поздней словенской весны, после вкусного ужина — помню, «дядя Вася» угостил нас тогда добротной донской сюзьмой *) — я и двое моих дружков отправились побродить по лесу. Солнце еще не село, и до сумерок было далеко. Мы шли по лесной просеке, весело болтая обо всем, что может прийти в голову веселым ребятам, когда они чувствурт себя свободными и здоровыми. За шутками и анекдотами мы не замечали времени — оказалось, мы уже забрались довольно далеко от корпуса и подошли к перекрестку трех лесных дорог. И тут мне вспомнилось поверье, будто на перекрестках трех дорог появляются души погребенных без

*) Сюзьма — вид сербского "каймака".

отходной молитвы, а также всякая лесная нечисть. Я рассказал о поверье ребятам. Один из них гордо заявил, что ему приходилось не раз бывать в конных атаках, так что ему — бывалому фронтовику — никакая чертовщина не страшна: он самому черту, коли встретится, мигом рога обломает . . .

Перекресток был от нас шагах в 20-25, когда на него вышла с боковой дороги, одетая во все черное, женщина. Несмотря на то, что она была неподалеку от нас, разобрать черты ее лица мы не могли: мешала густая черная вуаль, а длинное, до земли, платье скрывало ее фигуру и ноги. Помедлив на перекрестке с минуту, она медленно удалилась по одной из дорог. Ничего страшного в ней не было: женщина как женщина, хотя и нарядившаяся в траурные одежды. Наше веселое настроение продолжалось — миновав перекресток, мы стали острить, что она, мол, забралась в лес на свиданье с кем-нибудь, а мои друзья стали наперебой уверять, что этот «кто-то» были именно они. Прошли мы так, зубоскаля, шагов с сотню. Я обернулся. В двадцати шагах за нами шла медленно женщина в черном. Когда она заметила, что я оебрнулся, она сошла с дороги и потерялась в лесу. Я сказал о виденном ребятам. Нам стало как-то не по себе, мы замолчали . . . Прошли еще немного, и все трое обернулись. Дама в черном опять была невдалеке от нас. И снова сошла в сторону, в лес. Мы невольно стали прижиматься друг к другу. Снова обернулись — она опять за нами . . . И опять ушла в лес. Надо сказать, что лес был посажен правильными рядами, шедшими параллельно дороге. Когда дама исчезала в лесу, мы сейчас же кинулись смотреть на аллею, через которую она должна была бы пройти. Красное заходящее солнце светило меж рядами стволов — аллея была совершенно пуста. Дама как бы растворилась, сойдя с дороги.

Мы решили вернуться в корпус. Нарочно замедляя шаги, мы прошли мимо того места, с которого исчезла наша незнакомка и поспешили домой. Вблизи перекрестка мы еще раз обернулись. И, конечно, «она» была за нами. Ну, тут у нас нервы не выдержали, и мы пустились наутек. Мои дружки были на голову выше меня, и они буквально пожирали пространство своими «циркулями». Но . . . когда я, обернувшись, увидел, что дама без особых усилий, как бы скользя над землей, сопровождает нас, бегущих во всю мальчишескую прыть, то я враз перегнал своих спутников.

Запыхавшись, мы выбежали из леса и с разгона влетели в барак второй сотни, в которую входил и наш класс. Наш перепуганный вид мигом собрал вокруг нас уйму желающих узнать в чем дело. Искренность нашего рассказа была настолько явной, что нам не только поверили, но и не на шутку испугались возможности «визита» дамы в черном. Кадеты младших классов сбились в кучу в середине барака и ни за что не хотели спать около входных дверей. Массовая истерия была прекращена мудрым решением дежурного по сотне офицера-воспитателя, сразу же назначившего меня «за внесение беспорядка» на ночное дневальство. Мне лично эта мера наказания была не по душе, но зато внесла успокоение в умы других ребят. Слух о «даме в черном» проник и в первую сотню. Рано утром на другой день один из старших кадет, лучший бегун корпуса, Борис Л. отправился на перекресток. И . . . встретил там «даму в черном». Л. повернулся и побежал, а «дама» его провожала. Неподалеку от опушки леса, Л. развил максимальную скорость — бег на финиш . . . Дама проводила его до самой опушки и исчезла.

Для прекращения возникшей паники, один из воспитателей второй сотни повел нас «переменным аллюром» — 50 шагов бегом, 50 шагов шагом — на перекресток. На перекрестке никого не было. Очень возможно, что после этого мы бы успокоились, но совсем вскоре после инцидента с «дамой в черном» мы снова были взволнованы: в Крымском корпусе произошла серия самоубийств. Разными способами из жизни ушли три кадета. Начатое начальством расследование установило, что у них в корпусе есть «клуб самоубийц». Организатор клуба — молодой офицер, кокаинист, использовал неудовлетворенность бывших фронтовиков «пресной» нормальной жизнью и подогревал эту неудовлетворенность кокаином. Его арестовали, и клуб прекратил свое существование.

Позднее мы слышали от местных жителей, что «дама в черном» появлялась и раньше, когда возникала возможность насильственной смерти в округе. По их словам, одна из графинь Герберштейн, чьи замки были и в городе Птуй и в его окрестностях, покончила жизнь самоубийством и часто с тех пор своим появлением предупреждала о чьей-либо преждевременной смерти. Так ли это или не так — я не знаю, но для меня «дама в черном» была такой же реальностью, как и самоубийства крымских кадет.

М. Залесский, Д.К.

ОСЕННЕЕ

Все короче и короче становятся дни осени. Скоро зима.

Уже облетели последние листья с деревьев. Только кое-где еще задержалось на вершинах несколько и трепещут, поддаваясь малейшему дуновению ветерка. Пожула зелень в цветнике, поблекли краски... От обнажившихся в саду деревьев стало светло и ясно в комнате и нежаркие осенние лучи солнца проникают всюду без помехи. Воздух чист и яснее доносятся звуки проезжающих по дороге машин. Еще немного и польют дожди, слепят в однообразную бурую массу, так приятно шуршащие под ногами прохожих, сухие листья, — а там все замрет и заснет под белым покровом до весны...

А ты? — Уж давно поредели волосы, уже много седины в оставшихся... Все чаще слышишь и читаешь о смерти твоих знакомых и близких. И родные среди них тоже...

Раньше бывало: такой-то женился... она вышла замуж... родятся дети, растут, учатся, участвуют в войнах, на которые нас уже не берут... Ноет сердце, уходит жизнь и так хочется задержать ее ускоряющееся движение, остановить на долгие еще годы, пережить старое снова, прожить эти годы лучше, полнее, а главное счастливее тех, что прошли.

В молодости время текло медленно. Думалось, что его хватит лет на восемьсот. С нетерпением ждешь бывало каникул: когда же наконец придет долгожданный июнь? Третьего июня корпусной праздник — Св. Константина и Елены. «Царский подъем» утром, когда вместо заспанного горниста — кадета еще не успевшего умыться и с просонья хрипло выдувающего всем хорошо знакомый и ненавистный сигнал: «Вставать, вставать, подыматься...», весь корпусной оркестр в полном составе с начищенными до ослепительного блеска инструментами, пройдет по всем коридорам корпуса и, остановясь перед дверью квартиры директора — генерала, знаменитые корнетисты Бибер и Кузьмин не протрубят, а прямо пропоют на своих инструментах тот же сигнал, а за ним мощно польются звуки марша... Потом парад, потом каникулы. Окончен учебный год, — еще один, — но какой долгий, скучный. Эх, когда уже навсегда выйдем из этих угрюмых, надоедших стен, — которые очень скоро, лет через 10-15 будут казаться такими близкими, родными и милыми.

А потом, чем дальше все лучше и лучше будет вспоминаться проведенное в этой казарме время и с умилением будут

всплывать в памяти незначительные мелочи, на которые, привыкнув к ним за долгие годы, тогда и внимания не обращал.

Вот надпись на стене главной лестницы у первого поворота с первого на второй этаж. Русскими буквами, но со славянской вязью выведено:

«Здесь на чужбине каждый из нас должен помнить, что он представляет собой нашу родину и высоко держать русскую честь». И подпись: Генерал П. Врангель.

Врангель наш кумир, наша надежда . . .
Послушно по зову России
Мы смело пойдем за тобой,
И головы наши младые
Положим за край наш родной . . .

пело в наших сердцах тогда. Но вот года через 3-4 на чужом, не русском, лафете провезут его тело с вокзала по улицам Белграда в русскую церковь, на место вечного упокоения.

Почетный караул из бывших соратников . . . Переодевшиеся снова в военную форму молодцеватые корнеты и поручики... Чернобородый, серьезный генерал Кутепов с шашкой на портупее через плечо . . . Две сотни Кубанского Гвардейского дивизиона с шашками наголо, мягко ступая чевяками проводят его до могилы . . . Кадеты, институтки и просто русские люди с упавшим сердцем отдадут последние почести последнему Главнокомандующему Русской армии.

А нам, тогда еще юношам, по детски непосредственно переживавшим эту потерю, будет казаться, что с ним пропало все. И тем, кто видел и слышал его когда-то, как мы детьми, — до гроба будет звучать его чуть хриплый голос: «Здравствуйте молодцы кадеты Крымцы!»

Это в 1925 году в Белой Церкви вечером под каштанами здоровался он с нами.

В. Строгов.

ДОБЛЕСТНАЯ ШКОЛА

Людовик XIV.

"Курите, пейте, веселитесь,
Посадят в карцер не беда,
Учить уроки не трудитесь,
Не выйдет толку ни черта..."
Звериада.

Это было давно . . . мы были кадетами IV класса. Русскую и общую историю преподавал нам опытный педагог и бывший директор, кажется Виленской гимназии, — Медведев, отец нынешнего архиепископа Антония, Сан-Францисского. Лучшего преподавателя истории я на своем веку не имел, а было их не мало. Прекрасный рассказчик он сам увлекался и увлекал класс рассказом. Мы слушали затаив дыхание, а новый преподаватель уже стоит у двери класса, оказывается прошел не только урок, но и перемена. Заслуга этого человека велика, он научил нас любить Россию такой какова она есть и осторожно относиться к просвещенному Западу.

Проходили мы в то время историю Франции, эпоху наибольшего расцвета абсолютизма и самого яркого представителя ее сказавшего исторические слова: «Государство это — Я» — Людовика XIV. Вот в это самое время, один из братьев Григоровых предложил классу смелое и дерзкое пари, что он Григоров «изведет» Медведева. Историк наш был человеком плотным, сдержанным. Кадеты боялись, но любили его. Он почти не наказывал кадет, т. е. не удалял из класса, а если и случался грех, то это происходило тихо и мирно, без шума и записи в классный журнал. Теория его была очень проста: Бог знает историю на 12, он — Медведев на 11, а кадет не может знать больше чем на 10.

Пари Григоров предложил на самое излюбленное кадетами кушанье — жаренные пирожки. Делала их наша замечательная повариха, вывезенная из Полтавы; кадеты называли ее между собой — Титка Харитина. Эта изумительная русская женщина, всегда находила что-нибудь если кадет говорил, что он голоден. Я лично, как земляк Титки, пользовался ее добротой в смысле подкармливания меня, до окончания кадетского корпуса. «Ой лышенько», причитала она, «Та ты-ж такый нэсчастный, сыротынка моя» и давала пирог или катлету. Го-

ворила она только по малороссийски и научила этому языку не одну кухонную работницу — сербского происхождения, без книг и уроков.

И так договариваемся относительно пари — весь класс обязуется, по очереди в алфавитном порядке в течение 31 недели выплачивать дань Володе или Григоров в течение более полугода, не съест ни одного пирожка, отдавая пирожки нам. Класс предложение принял, Лукинский, как старший отделения протянул руку, Федотов «разбил» и все было в порядке — пари состоялось.

Незаметно подошел и урок истории. Дежурный отрапортовал, Медведев рассказал следующий период истории и стал высматривать «жертву вечернюю». Володя, против обыкновения, вертелся на месте, часто лазил в парту, привлекая внимание преподавателя, который и пригласил его к доске. Класс выжидал . . . Нужно сказать, не в обиду Григорову, что поведения он был громкого, но учился не спеша . . . да еще и заикался. В большей и меньшей степени в зависимости от предмета и знания урока. «Расскажите мне Григоров, все, что Вы знаете о Людовике XIV?» предложил Медведев. Володя набрал полный рот воздуха и начал: «С--с-с, с на- сначала ц-ц-царство... царствовал Людовик I» и пошел в хронологическом порядке перечислять всех Людовиков... Преподаватель заметно нервничал, но дал Григорову дойти до Людовика IX, затем остановил кадета, перечислил сам следующих Людовиков, в хронологическом порядке до Людовика XIV и попросил Володю продолжить, Володя сделал обиженную мину, опять набрал воздуха и не моргнув глазом начал: «Г-г-г... го-го-сподин п-п-п... пре-преподаватель Вы, Вы, Вы... меня п... пе-пе-перебили, ра-ра-ра...зрешите н...на...начать с-с-с...с... сначала, и начал опять с Людовика I. Когда Григоров дошел до Людовика VII, Медведев не выдержал, бросился к двери, распахнул ее и заревел: «Григоров вон из класса!» Володя не заставил себя просить вторично и вылетел как пуля.

Историк подошел к кафедре и стал перелистывать журнал, руки его дрожлаи... Дверь класса неожиданно приоткрылась и появилась улыбающаяся, физгармония, Володи: «А, а, а пирожки я выиграл!» выпалил он, почти не заикаясь и быстро закрыл дверь... Медведев вопросительно смотрел на нас... Волченко — первый ученик, вкратце объяснил все.

«Эх, что ж вы меня не предупредили, я бы выдержал».

Это единственный случай, когда я видел историка потерявшим самообладание.

1969 г., Вашингтон. *† В. Наливайко.* *

«ЛОВЧИ ДА НЕ ЛОВИСЬ»

Не спроста ЛАЗАРЕТ во всех Звериадах кадетских вспоминается ласковыми словами. Действительное происшествие это случилось давно... давно... в военном лагере Билече... Лазаретом там был маленький домик возле сгоревшего двухэтажного здания. А в самом лазарете был добрый Доктор Митрофан Семенович и при нем не менее добрый фельдшер Андрей Харитонович. И хотя Андрей Харитонович был военно-морской фельдшер . . . а моряки? — знаете, народ бесстрашный . . . тем не менее пришлось поверить в рассказ «О ТРЕХ МАЙОРАХ» сгоревших в большом здании**) . Но тем не менее Андрей Харитонович и при этой «вере» любовь и ласку к «больным» кадетам не потерял, и всячески «хворому» старался подсобить.

Вообще, когда нет в классах поверочных письменных или устных уроков — лазарет пустует. Но, как только кадетский нос учует «облаву», — так на утро более чем пол «обреченного» класса — строем маршируют «хворые».

И какой бы врач не был: добрый ли злой, безразличный или педант, а за «проделками» всех «хворых» недосмотрит. Ну, а фельдшер? Да что фельдшер неужели зверь, чтобы «хворого» подвести под кол по письменной или устной работе? Нет, Андрей Харитонович к кадетам был «рубаха парень».

А в те стародавние времена, иногда, на ужин делали «пирожки» и довольно увесистые с мясом, а в посту с картошкой. Да стакан чаю. И так как диетиков в лазарете никогда не было, то и туда они попадали, как порцион для «хворых».

Уж какие «средства» не употребляли «хворые» на утреннем приеме в лазарете, только чтоб получить нужную температуру и вместо трепетания в классе, поблагодушествовать в лазарете. Одни «проваливались» на экзамене «ловчения», дру-

---

*) Псевдоним покойного иерея о. Валентина Ливай.

**) В конце первой войны укрепленный авс.-вен. лагерь "Билече" штурмовали Черногорские части. В центре лагеря стояло здание гарнизонного офицер. собрания. Здание подожгли. Сгорело в нем три майора и несколько солдат. До второй войны здание стояло в развалинах. Ред.

гие проходили. Вот к одному третьекласснику по прозвищу «соска» удалось попасть в лазарет как-то, увильнув от письменной работы по математике. Лежит день, лежит другой . . . а из сотни не радостные вести: «письменная отложена». А как не повезет раз, так уж целая цепь невезения. На утреннем обходе доктор нашел, что Соска совершенно здоров и, так уж и быть, завтра отправится в сотню. А вечером пришла еще более скверная весть, что долгожданная письменная будет, именно, завтра . . . А вечером — эти увесистые пирожки. Доктор принес градусники, поставил их «больным» и сам начал наблюдать. Лежит Соска вынет из под мышки градусник, а он проклятый, как застыл. Соска тихоньке со столика горячий пирожко стянул в кровать, да недолго думая, градусник в пирожок. Лежит и думает: «Ну желанная температура, как пить дать, на градуснике запечатлеется». Тянет градусник из пирожка, а вместо градусника одна верхняя часть осталась. «Пирожок» «сожрал» и градусник и ртуть . . . Сунул Соска пирожок, незаметно, на стол, а сам давай вертеться на кровати, как ягненок на веретеле. Доктор подошел старается его остановить, а он вертится и «бредит» . . . Доктор взял из под мышки градусник . . . и с недоумением смотрит на остатки от градусника. Подбежал Андрей Харитонович, взял Соску на руки и понес в приемную обследовать, не порезался ли больной осколками стекла? А доктор кровать обследует не найдет ли хоть чего-нибудь иного прочего от градусника. И сколько не обследовали и не искали «следы преступления» как сквозь «шкуру» кадетскую во внутрь вошли. Понятное дело, что остальные «хворые» время не теряли и на градусниках нужную температуру нащелкали. Вернули Соску в палату, а он первым делом предательский пирожок в помойное ведро бросил. Пришел фельдшер и говорит: «Скажи по совести, где стекла и ртуть из градусника?» Неизвестно, сколько стоило трудов Андрею Харитоновичу уговорить врача оставить Соску еще на пару дней. Только, когда гроза в классе миновала, на третий день врач отпуская злосчастного Соску сказал: благодари фельдшера, что уговорил меня, а то бы тебе это дорого стоило. Ведь ты знаешь что термометра в гор. Билече и Требинье не достать. Ну да уж ловчи, да не ловись».

А. Беренс (Д.К.)

БАНЯ

Это не та баня, что у нас на Васильевском Острове за гривенник, где можно было попариться и веником себя пошлепать. — Это была баня японская, где за иену могли выкупаться два человека.

Итак, после того как мы оставили свои родные берега на Дальнем Востоке в 1922 году и с эскадрой адмирала Старка прибыли в Гензан, младшие классы и персонал Хабаровского кадетского корпуса отправили в Мукден, а остальные поплыли дальше.

В Мукдене нас разместили в китайских бараках, в которых раньше жили солдаты; сделаны были нары, а внизу (каны) широкий дымоход из кирпича для спанья. В холодное время они отапливались и были покрыты старой циновкой. Жизнь была очень примитивной, удобств не было, а насекомых, начиная с тараканов, хоть отбавляй.

И вот, в один прекрасный день мой воспитатель, полковник Шкапский, предложил мне пойти с ним в баню. Радость была большая, т. к. для нас кадет — без монеты — это было первой необходимостью. Собрав наскоро свое барахлишко и одев не по мерке английские ботинки — танки, двинулись в путь к намеченной цели. Мне, малышу третьей роты, пришлось шагать с полковником, который раньше служил в Преображенском полку, растягиваясь насколько позволяли связки ног, чтоб не отставать и идти в ногу.

При входе в баню — в предбаннике — сняли ботинки и очутились перед двумя дверями. Войдя в правую попали в общее помещение, ибо мужское и женское отделение разделялось между собой легкими как сон полосами материи. Касса была общая и находилась между дверьми. Заплатив причитавшееся надо было приступить к раздеванию, т. к. бренное тело требовало воды. Повернувшись спинами к женской половине, разделись и шмыгнули в баню.

Помывшись из шаек, залезли в небольшой цементный басейн с горячей водой и расположившись на цементных скамейках — блаженствовали так, что разговаривать совсем не хотелось.

За деревянной перегородкой слышались женские голоса, хохот, плеск воды и визг обитателей слабого пола. Немного погодя пришел японец, проделал обряд умывания и, улыбаясь,

залез к нам в басейн, он весело обращался к нам на непонятном нам языке и тут же лопотал с соседним отделением. К нашему ужасу открылась смежная дверь и вся женская половина ввалилась к нам и полезла в басейн.

Они начали нас расталкивать, так как их было много и они не помещались все на сидениях. Самая старшая, жена японца, подтолкнула воспитателя своими телесами, плотно уселась и начала лопотать полковнику, который не понимал ее и вероятно чувствовал себя печально. Наконец она игриво обрызгала его водой, весело смеясь, и тут мой спутник, согнувшись в три погибели, вырвался из басейна и помчался в раздевалку, а я за ним.

После этого я в баню с воспитателем не ходил, а кадеты приобретая какой-то грош летели в баню, а не в кинематограф.

Мыться ведь нужно?

П. Гаттенбергер.

«ТЫ»

Е. Ишевский

Трогательная традиция, когда кадеты оставались на всю жизнь между собой «на ты», не взирая ни на выпуск, ни на достигнутое служебное положение, — существовала во многих корпусах. И в нашем Симбирском корпусе была такая традиция.

Обращение «на ты» среди кадет, для меня не только нормально, но даже необходимо. «ТЫ» — нас сближает, связывает, обязывает. В этом «ТЫ» — наша сила, дружба и взаимное понимание.

Будучи избранным в Триесте председателем Обще-Кадетского Объединения, на первом же вечере воспоминаний, я сделал предложение всем перейти на «ты», рассказав предварительно случай, запомнившийся мне еще с юных лет:

Был 1905 год. Отец был на Японской войне, мать жила в Москве. Мы — четыре сына — (1, 2, 3 и 4 кл. и я самый младший), приехали к маме из Симбирска на летние каникулы. Как-то в 5 час. вечера мы все четверо отправились гулять. Перед отходом мама всех тщательно осмотрела, чтобы все было чисто и по форме. Квартира наша была на 3-м этаже, на углу Тверской и Георгиевского переулка. Только мы вышли на

Тверскую в направлении к Страстному Монастырю, навстречу идет отставной генерал. Старший брат шепнул, чтобы шли мы в затылок и по его команде мы лихо стали во фронт. Генерал откозырял, угрюмо посмотрел на нас, подошел ближе, кинул взгляд на погоны и спросил:

— Симбирского корпуса?

— Так точно, Ваше Превосходительство!, за всех нас громко отчеканил старший брат.

— Спасибо, лихо, и я Симбирского корпуса. Братья? Как ваша фамилия?

— Ишевские, Ваше Превосходительство! громко ответил старший брат.

— Болван! последовал негодующий возглас генерала. Мы все оторопели.

— Тебя как зовут? обратился он ко второму брату.

— Борис, Ваше Превосходительство.

— Идиот — рассердился генерал и спросил третьего брата:

— А тебя как зовут? и когда услышал в ответ: — «Георгий, Ваше Превосходительство!», рассвирепел окончательно:

— Я не думал, что Симбирские кадеты хуже гимназистов, я им говорю русским языком, что я Симбирского корпуса, а они видите ли одно затвердили, Ваше Превосходительство, да Ваше Превосходительство. Вы что же забыли «Звериаду», забыли что там на первой странице сказано. Забыли что все кадеты Симбирского корпуса, в каком бы возрасте и чине ни были, должны говорить друг другу ты»...

Тогда второй по старшенству брат выпалил:

— А как твоя фамилия (сам задрожал как осиновый лист перед грозным видом генерала).

Генерал расплылся в улыбке, назвал свою фамилию, похлопал брата по плечу и добавил:

— Один настоящий кадет среди четырех оболтусов. Опустите руки!

Затем поинтересовался куда мы идем, где живем и кто у нас в семье. Мы показали ему на окно квартиры, из которого за нами наблюдала взволнованная и бледная мама. Старший брат пригласил «однокашника» к нам на чай. Генерал предложение принял и мы все вернулись домой. Наш гость оказался старым маминым знакомым по Саратову.

Перепечатано из журнала
"Кадетский Голос из Провинций
кадета Суворовца С. Двигубского.

Председателю III Съезда Кадет Российских Зарубежных Кадетских Корпусов

В связи с резолюцией № 4 Съезда, правление О.К.О. в Аргентине постановило, а по давно установившемуся в этом объединении обычаю, выдать в закончившемся 1972 учебном году награды лучшим ученикам Церковно-Приходской Школы при Храме св. Сергия Радонежского; настоятелем Храма и директором школы является наш однокашник о. Владимир Шленев (28 вып. Р. К.).

Во время школьного акта секретарь О.К.О. в Аргентине С. А. Якимович прочел решение Правления о награждении предложенных педагогическим советом школы — ученика Александра Шленева и ученицы Ольги Ковригиной, как показавших отличные успехи в учении и примерное поведение.

Награды были выданы в память кадет, в юношеском возрасте на поле брани живот свой положивших, о чем и было написано в наградах-книгах. А. Шленеву выдана в виде награды книга: «Кадетские Корпуса за рубежом», а О. Ковригиной книга: «Сожженная Москва».

Передавая награды, секретарь О.К.О. сказал несколько слов о тех, в чье имя выдаются награды и призвавши награжденных «помнить, чье имя носят». Выдача наград произвела большое впечатление на многочисленную публику, т. к. единственная русская организация в Аргентине, заботящаяся о молодежи, это О.К.О.

Получившие награды ученики горячо поблагодарили присутствовавших на акте председателя и секретаря О.К.О.

Секретарь О.К.О.
С. Я. Якимович.

Секретарь О.К.О. в Аргентине С. А. Якимович читает решенье правления о награждении учеников. Слева направо: Секретарь О.К.О. Директор школы о. Владимир Шленев. Награжденный ученик: Александр Шленев. Награжденная ученица: Ольга Ковригина.

ПРИВЛЕКАЙТЕ ВАШИХ ДРУЗЕЙ И ЗНАКОМЫХ

СТАТЬ ПОДПИСЧИКАМИ

«КАДЕТСКОЙ ПЕРЕКЛИЧКИ»

КАДЕТЫ ТОРОНТО

Придел иконостаса Свя.о-Троицкого собора в г. Торонто, сооруженный кадетами в память вел. князя Константина Константинвича.

В одно из мартовских воскресений 1953 г., после Богослужения в церкви, встретились новоприбывшие в Канаду «земляки» кадеты, не видившиеся с начала Второй Мировой Войны. После радостных встреч, расспросов и рассказов за чашкой чая решили, что пришло время «кликнуть клич» к объе-

динению кадет, таким образом было положено начало кадетскому объединению в г. Торонто (Канада).

По прошествии короткого срока основалось Кадетское Объединение с выработанным Уставом, получено разрешение местных канадских властей на право существования, наравне с другими национальными группами и организациями.

По уставу Кадетское Объединение неполитическая организация, главная цель и задача которой: оказание помощи кадетам, впавшим в беду, оставшимся в европейских беженских лагерях, старческих домах и т. д.

Благотворительная цель была началом и дальнейшим путем жизни нашего Объединения. Для изыскания средств на благотворительность устраивались и устраиваются Кадетские балы, которые привлекают в массе русскую публику и считаются лучшими сезона, это дает единственный материальный доход нашему Объединению.

В этом году Объединение празднует 20-ти летие своего существования. За протекшие годы была оказана материальная помощь многим нашим однокашникам в Германии, Австрии, Италии и Югославии, всем кто по разным причинам бывал в тяжелом, бедственном положении, при несчастных случаях с кадетами в Аргентине, Бразилии, Чили и т. д. Кадеты нашего Объединения никогда не отказывали в помощи своим однокашникам, членам персонала Кадетских Корпусов и всем, кто имеет близкое отношение к кадетам.

Свой 20-тилетний Юбилей Торонтское Кадетское Объединение отмечает освящением Икон в Храме Св. Троицы, написанных в память и благодарность тем, кто дал нам возможность учиться и окончить Кадетские Корпуса, военные академии и университеты.

Три иконы:

Св. Апостола Андрея Первозванного — «Слава Королевского Дома».

Св. Саввы Просветителя Сербского Народа.

Св. Апостола Варнавы в память Святейшего Патриарха Сербского Варнавы.

Тем нашим однокашникам, которые были воспитанниками трех Кадетских Корпусов, или воспитанницам трех женских Институтов, хорошо известно отношение Короля Рыцаря Александра I, его сподвижников и политических деятелей, в течение тридцати лет, так щедро помогавших русской эмиграции, как ни в одной стране Европы.

Мы кадеты надписью под нашими Кадетскими Иконами:

«В благодарность тем, кто дал нам возможность в Югославии, быть кадетами».

Отблагодарим скромно тем, кто так заботился о нас.

Кадеты Торонтского Кадетского Объединения обращаются ко всем своим однокашникам с просьбой поддержать их торжество своим присутствием на освящении Кадетских Икон и праздновании Юбилея Объединения, 19-го, 20-го и 21-го мая 1973 года.

Торонтцы .

НА ЗЛОБУ ДНЯ .

Разбираясь во всем строго
прихожу к мысли одной:
Нас совсем не так уж много,
ты, да я, да мы с тобой.
Но по списку, на бумаге
шестьдесят, нас, человек,
а на деле, при отваге
не собрать и трех вовек.
Чтоб поставить в списке "птичку"
мне б хватило двух минут
у тех всех, кто "ПЕРЕКЛИЧКУ"
хоть с натяжкой, но берут.
А о том, чтобы на ниве,
на кадетской, порадеть
месяцами терпеливо
надо ту же песню петь:
Разобравшись во всем строго
в истине уверившись одной:
Нас совсем не так уж много,
Ты да я, да мы с тобой.

Алексей Мальчевский

РУССКО-СЕРБСКИЕ ГИМНАЗИИ В БЕЛГРАДЕ (1920 - 1944 гг.)

Когда в 1920-м году сотни тысяч русских людей покинули родину и ушли в изгнание, одним из самых острых вопросов, вставших перед ними, был вопрос о том, как уберечь русскую молодежь на чужбине от денационализации и в то же время дать этой молодежи возможность получить образование. Необходимо было создавать «свои» начальные и средние учебные заведения, в которых преподавание велось бы на русском языке, и добиваться уравнения этих учебных заведений в правах с местными учебными заведениями.

Наиболее благоприятная обстановка для создания таких школ была, конечно, в славянских странах и, особенно, в Югославии (тогда еще — Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев). Среди сербской интеллигенции было много людей, получивших образование в России, людей русской культуры, помнящих и любящих старую Императорскую Россию. На их поддержку можно было рассчитывать.

Вопрос о создании в одном из городов Сербии русской гимназии обсуждался будущими организаторами и сотрудниками гимназии еще до прибытия в Корелевство СХС — на борту парохода «Константин», везущего одну из первых групп русских эмигрантов на Балканы. Уже тут будущий директор гимназии В. Д. Плетнев выступал с горячим призывом позаботиться о национальном воспитании эмигрантской молодежи. Немедленно по прибытии в Сербию, В. Д. Плетнев начинает хлопоты об открытии русской гимназии. Несомненно, что возникновением своим гимназия обязана в первую очередь энергии и настойчивости В. Д. Плетнева, которому оказали большую поддержку некоторые профессора университета, в том числе проф. Любомир Йованович, назначенный на пост председателя специально созданной Державной Комиссии по делам Русских Беженцев в Королевстве СХС. Благодаря их содействию было получено разрешение на открытие в Белграде гимназии, в которой все предметы преподавались на русском языке, кроме т. н. «национальной группы» — сербского языка и истории и географии Королевства СХС. Гимназия эта, получившая название Первой Русско-Сербской гимназии, давала окончившим ее и выдержавшим экзамен на аттестат зрелости («большую матуру») все права, наравне с сербскими средне-учебными заведениями.

Большие затруднения возникли при подыскании подходящего помещения, но наконец удалось получить на послеобеденные часы помещение в здании 3-й Мужской гимназии (на Негушевой улице). 14 октября 1920 г., в день Покрова Пресвятой Богородицы, был отслужен молебен и состоялось торжественное собрание по поводу открытия гимназии, а 15 октября начались регулярные занятия. Вскоре после этого было получено от директора сербской гимназии разрешение на устройство в зале гимназии временного (переносного) храма, и в субботу 13 ноября была отслужена первая всенощная.

Вскоре гимназия перешла в помещение реального училища («реалки») около знаменитого Белградского парка Калемегдана. В 1929 г. гимназия перебралась в помещение Учительского Дома (общежития) на Бульваре Освобождения, а когда был построен Русский Дом, гимназия перешла уже в «собственное» помещение. В 1925 г. директором гимназии вместо В. Д. Плетнева был назначен И. М. Малинин. В момент открытия в гимназии числилось 90 учеников и учениц — первоначально гимназия была смешанной, — но через два года число учащихся достигло 250 и приблизительно на этом уровне оставалось до конца существования гимназии.

IV класс в 1924 г. с директором В. Д. Плетневым

Сразу же после открытия гимназии перед гимназическим начальством встала необходимость открытия при гимназии интерната. Это дало бы возможность учиться в гимназии детям, родители которых осели в провинции, а главное — это дало бы пристанище тем, довольно многочисленным, молодым людям, которые прибыли в Королевство одни, без родителей или родственников. Весной 1921 г. было снято помещение на самой окраине города, в районе, который назывался Топчидерско Брдо («Топчидерская гора»). Здесь в трех небольших «виллах» разместилось около 50-ти молодых людей. Путь в гимназию был далекий, проделывать его приходилось пешком, во всякую погоду, по плохо вымощенным улицам. Особенно трудно было возвращаться из гимназии зимой — в темноте, по снегу, слякоти и грязи. Старшие гимназисты заботливо провожали младших, иногда несли самых маленьких на руках, когда дорога была слишком труднопроходима. Весь персонал интерната состоял первоначально из заведующего, жена которого бесплатно вела хозяйство интерната, одного воспитателя и кухарки. Почти никакого оборудования не было, кухня помещалась в сарае, не хватало посуды, плохо было с постельным бельем. Но все эти лишения только теснее сплачивали обитателей интерната; жили одной дружной семьей.

Через два года интернат удалось перевести в город, заарендовав для него трехэтажный дом на Новопазарской улице. Здесь интернат находился в течение многих лет. В это время в интернате проживало уже 115 воспитанников; соответственно увеличился и штат служащих. Но нужда даже в самом необходимом оборудовании оставалась — интернат был очень беден. Посетивший интернат в 1925 г. известный американский благотворительный деятель, проф. Уитмор, сразу обратил на это внимание и распорядился ассигновать из специального фонда несколько десятков тысяч динаров на самые насущные нужды интерната. Так уже в ту отдаленную эпоху гимназия пользовалась помощью американской благотворительности.

Состав учащихся в этот начальный период существования гимназии был весьма своеобразен: большая часть учащихся были «переростками», немало было среди них участников Белого движения, некоторые имели ранения, иные дослужились даже до офицерских чинов. Утверждают, что один из гимназистов-интернатчиков был в чине штабс-капитана, в то время как

воспитатель был всего лишь поручиком! Если даже это и анекдот, то хорошо характеризующий гимназическую жизнь этого периода.

Но все учащиеся были объединены общим стремлением учиться, наверстать потерянное время и поскорее закончить свое образование. Отношение к занятиям было серьезным, никаких «понуканий» не требовалось. Наоборот — жажда знания была так велика, что даже солидная нагрузка занятий в гимназии не удовлетворяла учащихся, они стремились пополнить свои знания чтением, рефератами, дискуссиями и т. п. И гимназическая дисциплина этого периода была особенной — большинство гимназистов были взрослыми людьми и не нуждались ни в каком надзоре. Сами гимназисты оказывали педагогам помощь в наблюдении за младшими воспитанниками.

В основу учебной программы гимназии была первоначально положена программа старых русских учебных заведений, но значительно переработанная и расширенная. Особое внимание было обращено на преподавание русского языка, русской литературы и истории. Но значительно расширена была также программа по математике и естественным наукам. Впоследствии программа подверглась изменениям в соответствии с требованиями Министерства Народного Просвещения, однако «русским» предметам по-прежнему уделялось много внимания.

Работы у гимназистов было много — помимо расширенной русской программы им приходилось изучать сербский язык (в течение всех восьми лет), историю и географию Югославии, и славать по этим предметам «матуру». Много времени отнимало также занятие спортом, который всегда был популярен в гимназии. Любимыми видами спорта были футбол, фехтование, речной спорт. Одно время у гимназии была своя большая гребная лодка — «Гимназист» — и своя яхта.

Однако, несмотря на все это, как уже было упомянуто, среди учащихся было сильно стремление к самостоятельному изучению и обсуждению вопросов из различных областей знания. Идя навстречу этому стремлению, гимназическое начальство, применяя систему популярного тогда Дальтон-плана, ввело обязательные семинарские работы — своеобразное и характерное явление гимназической жизни того периода. Под семинары отводились последние два урока по субботам. В начале года желающие записывались на тот или иной семинар и потом в течение года должны были посещать его. Наиболее

популярны были семинары по истории и литературе, но были также семинары по математике, физике и химии, естественным наукам. На этих семинарах, проходивших под руководством соответствующего преподавателя читались доклады, затем следовали прения и обсуждение вопроса.

По мере того как понижался возрастный уровень учащихся, приближаясь к нормальному, и на смену фактически взрослым людям приходили юноши нормального гимназического возраста, интерес к семинарам падал, и в конец 20-х годов семинары были уничтожены, не без давления со стороны Министерства Просвещения, неодобрительно взиравшего на этот новый вид педагогической работы. Но традиция рефератов осталась — только теперь они читались по классам, в связи с прохождением курса.

Другим своеобразным явлением гимназической жизни были т. н. «среды». Каждую среду в помещении интерната происходило собрание, на которое приглашались все учащиеся старших классов, их родители, гости по приглашениям гимназистов и, конечно, служащие гимназии. Собрание проводилось силами самих учащихся. После вступительного слова председателя следовал доклад какого-нибудь гимназиста или гимназистки, члена одного из многочисленных кружков гим-

Матура 1928 года. Директор И. М. Малинин.

назии. Наиболее популярны были доклады по русской литературе, но бывали и доклады из других областей знания — философии, естественных наук, военного дела. После доклада обязательно происходили прения, — оппоненты избирались и знакомились с содержанием доклада заранее. Прения заканчивались заключительным словом Директора, В. Д. Плетнева, в котором он почти неизменно «разносил» председателя собрания, докладчика или оппонентов за допущенные ошибки и был очень скуп на похвалы. Затем следовал перерыв, во время которого присутствующим предлагалось скромное угощение, а после этого силами Драматического Кружка ставилась какая-нибудь, обычно веселая, пьеска, инсценировка или отрывок из крупного произведения. Если все это заканчивалось не слишком поздно, то следовали танцы под рояль. На следующий день учащиеся освобождались от спроса уроков.

«Среды» эти были очень популярны в гимназической среде и, несомненно, давали много для общего развития и пополнения знаний учащихся.

В заключение нельзя не упомянуть еще одно интересное явление культурной жизни гимназии — издание «стенгазет», в частности стенгазеты «Маяк». На ряду с многочисленными журналами, издаваемыми и по классам, и литературными кружками гимназии, среди учащихся 5-го класса возникла весной 1926 г. идея издания стенгазеты. Идея эта быстро привилась, увлекла учащихся и «Маяк» регулярно выходил каждую неделю до конца учебного года. Это было что-то новое, необычное для русских зарубежных учебных заведений. Издание «Маяка» вызвало к жизни ряд других гимназических стенгазет: «Колосья», «Громоотвод», «Луч».

Продолжение следует

ХРОНИКА

АВСТРАЛИЯ

31 января с. г. состоялось организационное собрание кадет в Мельбурне. Основан отдел Объединения Кадет Российских Зарубежных Кадетских Корпусов в Нью-Йорке. Подробности в следующем номере. К отделу присоединяются кадеты проживающие в других городах Австралии.

АРГЕНТИНА

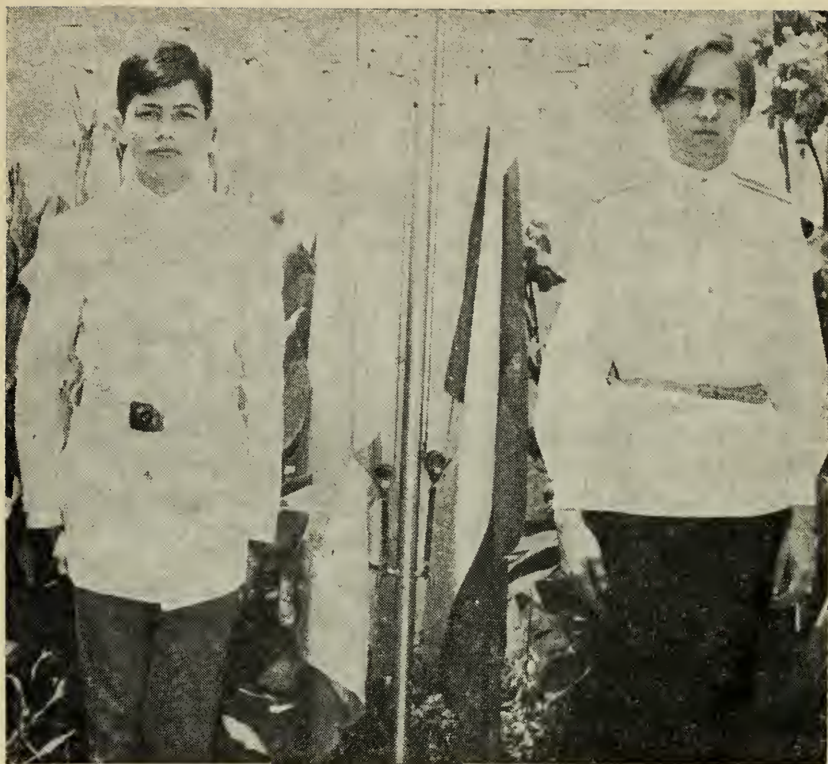
ПРАЗДНИК О.К.О.

17 декабря 1972 г. Обще-Кадетское Объединение в Аргентине, объединяющее старых императорских и зарубежных кадет, отметило свой традиционный праздник — Св. Николая Чудотворца, покровителя О.К.О.

Этот день выбран, т. к. был праздником не только многих старых корпусов, но и зарубежных: Донского Императора Александра III и Корпуса-Лицея памяти Императора Николая II.

На молебне в храме св. Сергия Радонежского, настоятель которого наш однокашник — Княжеконстантиновец о. Владимир Шленев, собралось 11 кадет старых корпусов и 27 кадет зар. кад. корпусов. Выделился кад. хор, певший хорошо и задушевно. Проникновенно служил о. Владимир, провозгласивший многолетие Главе Российского Императорского Дома и всем начальствовавшим, учившим и учившимся в корпусах. Затем были помянуты все Державные Основатели и Шефы корпусов, Короли Югославии Александр I и Петр II, все начальники и кадеты на поле брани живот свой положившие, в смуте убиенные и в миру скончавшиеся. По окончании молебна, о. Владимир поздравил всех с праздником и закончил свое слово призывом, всегда следовать кадетскому девизу: «Рассеяны — но не расторгнуты».

После молебна кадеты построились перед зданием Церковно-Приходской школы, для встречи старейшего кадета и отдания чести Аргентинскому и Русскому флагам. Строем командовал секретарь С. А. Якимович. Строй приветствовал полк. Цешковского, который обошел строй и сказал несколько слов приветствия. Возле мачты с флагами стояли молодые кадеты:

В жидании команды для поднятия флага.
Андрушкевич в форме Аргентинского кадета и А. Андрусен в форме Крымца

сын нашего однокашника И. Андрушкевича, Аргентинского кад. корпуса в форме своего корпуса и внук одного из членов Объединения А. Андрусен, в форме Крымского Корпуса. «Для отдания чести флагам! Смирно! Господа офицеры»! под звуки Аргентинского гимна был поднят Аргентинский флаг. Затем раздались торжественные звуки Русского народного гимна: «Боже Царя Храни» и медленно и плавно был поднят наш трехцветный флаг, символ величия и славы Российской Империи.

В строю: — от ветеранов войны 1914-1918 г.г. до кадета, поступившего в корпус в 1944 г. Несмотря на разницу выпусков и лет, все они связаны воедино и этим гимном и этим флагом.

По окончании церемонии все присутствующие с семьями перешли в новый зал школы, украшенный щитами с погонами всех корпусов, кадетскими эмблемами, портретами Царской Семьи и Вел. Кн. Константина Константиновича.

Покрытые белоснежными скатертями столы, были уставлены блюдами с произведениями кулинарного искусства наших милых дам. Нужно отметить, что и количество и качество яств, не оставляло желать ничего лучшего.

Секретарь обратился с приветствием от имени Правления О.К.О. Почтили вставанием память однокашников, ушедших в лучший мир. Спели песнь Дворянского полка, молитвы, а священник: Протоиерей о. Сергий Иванов (1 Сибирского и Донского корпусов) и о. Владимир Шленев благословили трапезу.

Во время трапезы, по старой традиции, была произведена «Перекличка Корпусов». Секретарь называл корпуса по старшинству, установленному высочайшими указами, а учившиеся в данном корпусе вставали и поднимали бокал за свой корпус, имея право произнести одноминутный тост. Т. к. много кадет уже отошло в лучший мир, то за некоторые корпуса тост произносили вдовы и родственники. Так напр. за «Славный Нижегородский Графа Аракчеева Кад. Корпус», бокал подняла К. И. Шпаковская, дочь кадета Аракчеевца. За Псковский — С. Э. Савельева, вдова полк. П. М. Савельева, долголетнего члена правления. За Ташкентский ответила Е. А. Морозевич, вдова недавно скончавшегося поручика А. Е. Морозевича. На вызов: «Славный Оренбургский Неплюевский кад. корпус», было прочитано приветствие полк. М. Н. Друэцкого, вып. 1901 г. который по болезни не присутствовал на прзднике. Так же было прочитано приветствие больного полк. Неелова, 3-го Московского кор. Таким образом, все же, большинство корпусов не было предано забвению. Когда был вызван «Славный Крымский Кад. Корпус», то от имени шести присутствовавших Крымцев слово сказал А. Андрусен: «Как самый младший Крымец, я поднимаю бокал за всех старших однокашников с надеждой, что наш корпус снова восстановится в освобожденной России». Последним был вызван «Славный Корпус-Лицей Имени Императора Николая II». И. Менщиков, воспитанник Лицея, рассказал краткую историю лицея и свои воспоминания о пребывании в нем.

На этом была закончена официальная часть и секретарь поблагодарил дам за труды, а дочери наших однокашников Л. Павловского и А. Горелова, в сопровождении молодых кадет, роздали всем дамам гвоздики.

В дружеской беседе, полной воспоминаний из кадетской жизни и пенья военных и кадетских песен, незаметно прошло

время. Нужно отметить, что это была одна из самых удачных встреч, устраиваемых каждый год. Во первых — стопроцентное участие дам в приготовлении трапезы и украшении столов. Во вторых — отзыв кадет. Несколько человек извинились что из-за личных или служебных обязательств не могут присутствовать. К сожалению оказались и такие, которые не нашли нужным это сделать, решивши вероятно окончательно перейти на положение «бывших кадет». В третьих, что самое важное, по настроению, которое господствовало во время праздника. Этому способствовало, по нашему скромному мнению, то обстоятельство, что кадеты почувствовали, что они не крупинки эмиграции рассеянные по всему свету без связи. Появление «Кадетской Переклички» и кадетские съезды, напомнили многим, что по словам нашего однокашника Г. Войцыцкого «дух кадетский не угас, и что из нас пребудет каждый, кадетом даже в смертный час». Многие почувствовали, что существует еще кадетская семья, рассеянная, но не расторгнутая, ощутили существование такого необходимого «чувства локтя».

Будем надеяться, что кадетская спайка будет крепнуть и даст результаты, намеченные решеньями III Съезда кадет Российских Зарубежных Корпусов.

С. А. Якимович, 5 вып. К. К. К.

Группа кадет после официальной части праздника. Из-за жары, дамы разрешили снять пиджаки.

БЕЛЬГИЯ

6 декабря, в день Корпусного Праздника, Объединение отслужило молебен в Храме-Памятнике с поминовением скончавшихся. В клубе состоялось Годовое общее собрание. Переизбрано старое Правление.

9 декабря в зале школы Св. Владимира состоялся годовой банкет. Присутствовало 50 человек. Прекрасный ужин приготовили дамы. Почтили вставанием память почивших. Провозгласили тост за Родину, Корпус и Почетную Председательницу Е. В. Княжну Веру Константиновну. Огласили полученные приветствия.

Ввиду второй девальвации доллара и повышения почтовых тарифов в Бельгии в будущем устанавливаются следующие цены:

Погончики: — Рус. Кад. Корпуса, Крымского, Киевского, Полтавского. Донского, Одесского — 3 долл.

Значек Рус. Кад. Крпуса: — 3 долл.

Юбилейная медаль: — 5 долл.

Открытки юбилейные: — 5 штук 1 долл.

Открытка памятника в Белграде — 5 штук 1 долл.

ВЕНЕЦУЭЛА

На Годовом общем собрании Объединения в Каракасе было выбрано новое Правление на 1973 год: Председатель — Игорь Гняздовский, Вице-председатель — Ю. Щербович-Вечор, Секретарь Н. Лихарев, Казначей — А. Слезкин, член правления Н. Домерщиков.

Собрание прошло в дружеской беседе и согласии, намечая план работы на год и возможности участия на следующем международном Съезде.

9 декабря праздновали Св. Великомученика Георгия Победоносца — годовой Праздник Объединения. На Традиционном ужине присутствовало 45 человек. В этом году Объединение предполагает торжественно отметить 25-летний юбилей своего существования о чем будет объявлено в след. номере.

КАНАДА

РАСПИСАНИЕ И ПРОГРАММА ЮБИЛЕЯ О.К.О. В г. ТОРОНТО.

1 . *Суббота 19-го мая 1973 года.*

а) Встреча и размещение гостей.

б) 7 час. вечера. «Кадетский вечер».

1630 DUNDAS STR. WEST,

OLD ATHENS BANQUET HALL.

2. Воскресенье 20-го мая. Holy Trinity Orthodox Church. 23 Henry Str. Toronto.

а) 10 час. утра Архиерейская Литургия.

б) 12 ч. дня. Торжественное освящение Кадетских Икон. (Соборный хор и хор Сербской Церкви Св. Саввы).

в) 1 ч. дня. Кадетский Обед. Приветствия и поздравления.

г) От 6 час. до 8 час. вечера проводы гостей.

д) 8 час. вечера. Отъезд оставшихся гостей и кадет торонтцев на дачи: Председателя, Вице Председателя, Казначея и Секретаря.

3. Понедельник 21-го мая. Пикник.

4. Пятница 16-го ноября. La Riviera Ball Room. 2050 Dufferin Str. Toronto.

Юбилейный Бал Объединения.

Убедительно просим Секретарей всех братских кадетских Объединений составить списки своих кадет желающих принять участие в наших юбилейных торжествах и прислать нашему Секретарю не позже 5-го мая 1973 года. Нам необходимо знать число приезжающих гостей для приготовлений и облегчения работы нашим дамам, устраивающим для наших гостей и для нас ужин, обед и пикник.

Правление

Адрес Седретаря Об-ния:
Boris Kryloff,
380 Bathurst str.
Toronto, Ont. Candaa, M5T 2S6
Tel. 362-4317

США

Нью-Йорк

17 декабря был отпразднован Корпусной Праздник 1 Русского, Донского Кадетских Корпусов и Корпуса-Лицея. После молебна в Синодальном соборе (к аналою были вынесены знамена Полоцкого и Сумского Кад. Кор.), состоялся банкет в «Доме Свободной России», приготовленный дамами. Собралось 60 человек. Почетными гостями были ген. О. И. Лебедев, директор Версальского Корпуса-Лицея и Председатель ОКО В. Высоцкий. Собрание прошло в очень дружественной и веселой обстановке. Были прочитаны все полученные приветствия.

Братина Объединения идет по кругу.
К. Евреинов "пригубил", А. Москаленко на очереди. А. Родзевич уже закусывает.

Сан Франциско

2 декабря Княже-Константиновцы отпраздновали свой Праздник. Праздник начали с молитвы, поминовения усопших и пения песни Дворянского полка. После этого расселись за столы. Присутствовал эконом Корпуса поручик П. П. Шеншин и кадеты из других городов. Праздновали по установленной традиции без гостей и дам. Праздник является и Годовым собранием Объединения. Председателем выбран А. А. Стацевич, вице-председателем А. Истомин, казначеем А. Манернов.

16 декабря праздновало свой Праздник, «Николин день», ОКО. Присутствовало около 200 человек кадет с семьями и приглашенными гостями. Порядок празднования: Парад и встреча Старшего кадета. Молебен перед знаменем Симбирского Кад. Корпуса, отдание почестей национальным флагам, поздравления, перекличка по Корпусам, банкет и танцы.

— · —

Редактор просит все Объединения и группы присылать информации для хроники сразу. По возможности с фотографиями.

«ПОЕЗДКА В БЕЛУЮ ЦЕРКОВЬ»

Побывав прошлым летом в Белграде, решили с женой воспользоваться этим и посетить за одно и Белую Церковь, в которой я не был с окончания корпуса, т. е. с 1926-го года. Жена моя кончила Донской Мариинский институт, т. ч. желание посетить те места, где когда-то проходила наша юность, было обоюдным.

Решили ехать автобусом, это скорее чем поездом и проще, а кроме того больше видишь и знакомишься с окружающей жизнью. В Белграде теперь очень большой автобусный вокзал, рядом с железнодорожной станцией, откуда отходят автобусы во все города Югославии. От Белграда до Белой Церкви немного больше 120 километров и это расстояние автобус покрывает приблизительно за 3 часа.

Выехали рано утром с тем рассчетом, чтобы провести несколько часов в Белой Церкви и к вечеру вернуться в Белград. Дорога лежала через Панчево, очень сильно разросшееся, и Алибунар, Вршац остался в стороне. Ландшафт однообразный, никаких природных красот, унылые, довольно грязные, но богатые «паланки» и села с высокими церквами на площадях. По улицам как и прежде бродят жирные свиньи и большие стада гусей.

Ехали по американским понятиям довольно медленно. Движение большое, дорога узкая, только две линии, кроме автомобилей и грузовиков попадались довольно часто возы сена, подводы и таратайки, запряженные лошадьми, которые совсем неохотно уступали дорогу нашему автобусу. Автобус был набит до отказа. В каждом селе мы останавливались, часть пассажиров выходила, новые садились. Галдеж, смех, шутки, перебранка, как полагается, часто вспоминалась «майка». Смотрели как кино, не было скучно. Сербский язык красочен и выразителен, почти в каждом сербе сидит природный оратор и артист.

В одном селе влезла оживленная группа цыган, выделявшаяся своей особой яркостью и колоритностью даже на фоне пассажиров сербского автобуса. Жена, пришедшая в восторг, не подумав, что это понятно и по сербски, довольно громко воскликнула: «Посмотри, цыгане!» Проходившая мимо молодая цыганка, приняв это за оскорбление, на нее набросилась: «А ти мислиш, да цигани нису люди?» и т. д. и т. д. Еле удалось ее немного успокоить, говоря, что мы их совсем не соби-

рались оскорблять, что мы приезжие из Америки и что, наоборот, они нам очень понравились. Видно, цыгане по прежнему особой любовью у сербов не пользуются, они же им отвечают тем же.

В Белую Церковь приехали часов в 11 утра. Автобус остановился недалеко от сквера, что рядом с бывшим Донским институтом. Внешне институт мало изменился, только присмотревшись, видишь, что он, как и все вокруг, полинял и постарел. Кусты и деревья около института разрослись и почти совсем закрыли его от окружающего мира. Сквер прежде чистенький, подстриженный, с дорожками посыпанными свежим песком, с беседкой где иногда играл наш оркестр, теперь запущенный, пыльный, совсем не вызывающий приятных воспоминаний прошлого.

Пошли по улице, на которой когда-то жил наш полк. Гончаренко, у которого были, тоже когда-то, две хорошенькие дочки. Улица эта упирается в поле, а дальше в мое время шла по диагонали дорога для пешеходов, аккуратная, тоже посыпанная песком, обсаженная деревьями, ведущая к корпусу. Теперь вместо дороги осталась только тропинка с колдобинами, как будто перепаханная. От деревьев не осталось и помину. Говорят, что во время войны, как аллею в Рудольф парк, срубили на топливо. Деревья остались только около казарм, они, как и около института, разрослись и почти до крыши закрыли здание корпуса. Вдобавок ко всему на поле перед самым зданием корпуса выстроили что-то вроде стадиона, с высокой стеной вокруг, что уже совсем изменило общую картину, сохранившуюся в памяти.

А когда-то здесь, на этом самом поле, перед корпусом, протекала почти вся наша жизнь. Здесь мы гуляли, здесь происходили наши строевые занятия, парады, уроки гимнастики, футбольные состязания. Из окон, во время переменок между уроками, несся шум, гам, русская речь.

В те времена Белая Церковь была как бы кусочек старой России. В двадцатые годы приехавшие русские вроде как оккупировали этот тихий провинциальный городок и во многом стали доминирующей частью его населения *).

---

*) По переписи 1921 года в Белой Церкви проживало 9239 жителей, из коих было:

Немцев — 5194 чел., Сербов — 2670, Румын — 627, Мадьяр — 370, Чехов — 345, Словенцев — 30.

Число приехавших в начале 20-х годов русских можно оценить в 2000-2500 человек.

Здесь оказались: кавалерийское училище, кадетский корпус и женский институт. Чем не русский провинциальный губернский город ? . . Можно сказать не преувеличивая, что это было единственное место в русской эмиграции по своей исключительной колоритности, как бы слепок с навсегда ушедшей России. Здесь раздавалась старая русская солдатская песня, в художественном исполнении юнкеров-николаевцев, возвращающихся с учения. На улицах отдающие честь, а если нужно молодцевато становящиеся во фронт кадеты и юнкера. На поле перед казармами лихо вольтежирующие юнкера. По аллее, ведущей в Рудольф парк, под строгим надзором классных дам, пары прогуливающихся институток в белых пелеринках, точно сошедших со старинных «бабушкиных» фотографий. На балах старые па д'эспани и краковяки. На выпускных балах, под свет прожекторов традиционного маяка, оттанцовывали выпускную мазурку или вальс. Каждый выпуск выбирал свою «выпускную даму», стать которой было страстной мечтой каждой институтки. Невинно ухаживали и влюблялись. Жили очень бедно, но строго соблюдали старые обычаи и хранили традиции прошлого. В общем чувствовали себя почти как дома, твердо веря, что все это временно и что скоро возвратимся в свой настоящий дом.

Сюда к нам приезжали и ген. Врангель и ген. Миллер и, если я не ошибаюсь, ген. Кутепов.

Особенно запомнился из тех времен торжественный парад по случаю столетия с основания Николаевского Кавалерийского училища. (Мне кажется это было летом 1923-го года). Много гостей тогда съехалось со всей Югославии на этот праздник. Парад принимали ген. Врангель вместе с ген. Богаевским и ген. Барбовичем, в окружении старых воспитанников училища, приехавших на юбилей своей славной школы. Первыми церемониальным маршем шли два офицерских взвода бывших Николаевцев: молодые корнеты, лихие ротмистры и пожилые, уже видавшие виды, полковники. Был чудный солнечный день. Толпы народа и русских и сербов. Ряды институток, не только наших Донских, но и Харьковских, приглашенных на это торжество из Турского Бечея. Бодрые звуки маршей нашего оркестра и хора трубачей Николаевцев. Громкие ответы проходящих повзводно юнкеров и кадет. А после здравиц несмолкаемые перекаты громового Ура.

Все это далекое прошлое и даже следов от него не осталось. Как будто бы здесь и не было никогда ни училища, ни корпуса,

ни института. Остались только облезлые, видно давно не ремонтированные казармы, да пыльная дорога, идущая вдоль них.

Как раз когда мы подошли к казарме из главного входа вышел капитан с «наредником». Прикинувшись простачком, показав на здание корпуса, я обратился к нему: «Господине, да ли могу да фотографирам ову кучу?» Он на меня удивленно посмотрел и сказал: «То ние куча, то е касарна. Фотографиранье войних объекта е строго забраньено.» Я пытался объяснить ему, что я приехал из Америки и что 50 лет тому назад я в этом здании учился. На него это произвело мало впечатления и он холодно сказал, что это может разрешить только военное министерство, что я могу подать прошение и ответа нужно ждать минимум месяц.

Прошлись вдоль корпуса. Из окон с любопытством нас рассматривали какие-то, ставшие нам уже чужими, скучающие физиономии в «шайкачах». Ничего от прошлого . . .

Пошли по улице, на которой находилась пользовавшаяся у нас кадет популярностью кафана «Код Васо». Надеялся, что может хоть она сохранилась. Сколько там вина было выпито, сколько песен пропето . . . Но и ее там не оказалось. Верно, сам Васо уже давно умер и кафана закрылась.

Пошли дальше. Из одного дома вышел старый сербский «прота». Обратился к нему, может он знает кого-нибудь из русских, живущих в городе. Оказалось, что он после смерти последнего русского священника служит в русской церкви в Белой Церкви. Он пригласил нас к себе, обещав показать списки прихожан русской церкви. По дороге бросилось в глаза, что каждый встречный с большим почтением здоровается со старым священником. Дом у него большой, старомодно, но хорошо и добротно обставленный. Однако все «удобства» по старинке на дворе. Угощали как полагается «црной кафой» и каким-то вкусным домашним печеньем. Прота рассказывал, что он хлопочет, чтобы русский участок на кладбище был городской общиной признан историческим памятником и как таковой был взят ею под защиту. Он оказался большим приятелем моего одноклассника Голунского, который после корпуса, окончив богословский факультет, стал священником. Одно время священствовал в одном из сел в окрестностях Белой Церкви. После войны он уехал во Францию.

Чтобы показать нам русскую церковь, а также познакомить с секретарем русского прихода и не терять времени на пешее хождение, прота попросил своего «комшию» отвести нас туда

на его автомобиле. В городе ни такси, ни извозчиков нет. Проехали по улицам Белой Церкви. Чистенькие и аккуратные когда-то немецкие домики показались мне запущенными, сильно постаревшими. Видно, новые хозяева, пришедшие на место выселенных, не особенно о них заботятся или еще не успели в них обжиться. Улицы тоже чистотой не блещут. А помню, после окончания корпуса нас несколько человек, чтобы немного подработать перед университетом, работали у города, подметая «белоцерковские» улицы. Теперь это, судя по всему, не часто делается. Весь общий вид города в чем-то изменился. От старой Белой Церкви с ее полунемецким укладом жизни, с ее чистотой, с ее часто немецкой речью на улицах, с ее знаменитым карнавалом, на который приезжали гости даже из Вены, от всего этого ничего не осталось. Она превратилась в одну из обычных «паланок», которых много в Банате.

Русская церковь находится в конце главной улицы, которая раньше называлась улица Кралья Петра (как называется теперь, забыли спросить), рядом с католической церковью. Она была построена позднее, когда меня уже не было в Белой Церкви. Выглядит внешне довольно импозантно, со звонницей с колоколами. Внутри чистота, порядок и уютность, присущая небольшим русским церквам. Поразили очень знакомые, врезавшиеся в память, иконы. Оказались наши, из нашей корпусной церкви, писанные когда-то Титовым, Ваней Мольнером, Тищенко, Прутковым и др. Их удалось спасти, когда после прихода коммунистов ломали нашу корпусную церковь. Рассказал я проте, что знал об этих иконах. Он с интересом все записывал. Он пишет историю Белоцерковской русской церкви.

Потом поехали к секретарю русского прихода. Нас встретила дама, пожилая, но еще бодрая и живая. Она тамошний старожил, служила в институте с первых дней его прибытия в Белую Церковь. Как я понял, ее падчерица (Оля Семенова) окончила здесь институт. Она вдова, живет вместе с другой старой дамой. Комната, где они живут, чистая и уютная, но очень скромная, напоминающая комнаты начала нашего беженства. На комоде портрет короля Александра.

Эта дама нам рассказывала, что русских у них почти не осталось, большинство поумирало или разъехалось. Из живых мне знакомых назвала дочь полк. Трофимова, нашего учителя рисования и жену кап. Шестакова. Говорила, что жить теперь стало легче, но в начале много пришлось пережить. Рассказывала, как партизаны занимали Белую Церковь, назы-

вала фамилии русских ими расстрелянных. Все для меня незнакомые фамилии, кроме кап. Шестакова, тоже тогда расстрелянного. Он с нами приехал сюда еще из Крыма, из Феодосии. У него тогда была маленькая дочка, ходившая в коротеньком платьице, которая потом на наших глазах выросла и превратилась в барышню. Еще рассказывала о том, что некоторые из русских вернулись в Сов. Союз, как например кап. Харитонов, полк. Савченко — один из наших любимых и талантливых преподавателей, рассказами которого мы заслушивались на его уроках словесности. По сведениям этой дамы он умер в прошлом году в Москве.

Распрощавшись с нашей новой знакомой и протой, мы решили пойти поесть, а потом пройти на кладбище. Пошли в ресторан, который раньше назывался «Штадт Вин», находящийся около института против сквера. В прежние времена он нам кадетам казался очень шикарным, там обыкновенно заседали толстые бюргеры, пьющие пиво или кофе, дымящие сигарами и читающие газеты. Теперь картина та же как и повсюду, — от прежнего лоска не осталось и следа, все показалось обшарпано и серо. Заказали венские шницели и белого вина. Вино было исключительно вкусным, даже лучше чем в прежнее время.

Чтобы не терять времени на ожидание наших шницелей, решили выйти и снять жену на фоне института. Катушка у меня кончалась, т. ч. снимки нужно было экономить. Начал ходить и примеряться с аппаратом. Вдруг вижу, кучка молодежи что-то нам кричит и машет руками. Из дверей института бегут ко мне солдат, а за ним штатский и тоже кричит. Оказалось, что в институте тоже находится «войни объекат» (Дом Армии) и что его тоже запрещено снимать. Мои заверения, что мы этого не знали и что я еще ничего не снимал, а только примеривался, что мы из Америки, что в этом здании когда-то училась жена, не помогли. Нас повели в канцелярию этого самого «военного объекта», сказав, что там разберутся. Вокруг собралась толпа любопытных, глазеющих на этих странных «руса» из Америки, вроде как бы шпионов! Отобрали аппарат и паспорта и приставили к нам солдата. Дело должен был разобрать и решить начальник «ОЗНА», который ушел на обед. Протелефонировали ему домой, но там его не нашли, стали искать по всем кафанам. Какой-то проходящиййй майор, к которому мы обратились, любезно заверил нас, что до субботы наше дело решится. Происходило же все это в понедельник,

а в среду наш самолет уже летел в Америку! У меня настроение совсем упало: попали в глупейшую историю и по собственной же вине. Моя жена наоборот — происходящее с нами не воспринимала трагично. В то время как я сидел мрачный и злой, она с интересом разговаривала с охраняющим нас «войником» и находящимися там людьми. По моему она даже получала удовольствие от того, что сидит в стенах института.

В это время в здании института происходил какой-то ремонт. Один пожилой маляр, узнав, что жена училась в институте, очень нами заинтересовался и оживился. Окзаалось, что его мать, когда он был еще мальчиком, работала на кухне института и он здесь часто бывал. Он с воодушевлением начал вспоминать «лепе девойке», которые здесь учились, институтскую церковь, в которую он ходил с матерью и где «девойчице лепо певале». Рассказывал о строгой дисциплине и порядке, который царил в жизни здешних обитательниц. Вспоминал и о «веселих игранках, где су девойке играле са руским момцима (это о нас кадетах) старе руске игре», которые как он говорил: «нисам никад, ни пре, ни после, видео».

Солдат, нас охранявший, тоже явно сочувствовал, но говорил, что это его служба и часто повторял: «Закон е закон, а я сам войник», по существу совершенно правильное заявление.

Наконец часа через три появился начальник «ОЗНА». Ему уже было о нас все известно: где мы были в Белой Церкви, с кем встречались и разговаривали. Он уже знал, что мы были около корпуса и там просили разрешения его снять. (Видно у них аппарат хорошо работает). Под конец он заявил, что мы, как он убедился, преступили закон по незнанию и что в нашем поведении он не видит злого умысла, а поэтому мы свобдоны и можем продолжать наше путешествие.

Теперь вся эта история вспоминается скорее как юмористический случай. Но тогда нам было очень обидно, что мы так по-глупому потеряли несколько драгоценных часов.

Нам вернули наши паспорта и аппарат. Оставалось несколько минут до отхода нашего автобуса, достаточных только, чтобы на него не опоздать. Так мы и не побывали на кладбище.

По приезде домой выяснилось, что аппарат кем-то открывался и все негативы испрчены.

Однако не хочется кончать на такой как бы мрачной ноте. Несмотря на все приятно и интересно было побывать там, где протекала наша юность и мы не жалеем, что съездили в «нашу» Белую Церковь. *Борис Павлов (К.К.К. в. 26 г.)*

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

С. В. БРЫЛКИН

17 фев. 1972 г., на 85 г. жизни, в Медоне скончался полковник 10-й артил. бригады, Кавалер Георгиевского Оружия, Сергей Владимирович Брылкин. Долго и мучительно С. В. переносил свой болезненный недуг. Много старания, терпения и сил было приложено его женой, Евгенией Николаевной, чтобы облегчить болезнь и продлить жизнь любимому мужу.

Покойный окончил Нижегородский графа Аракчеева кад. кор. в 1908 г. Павловское Военное училище и вышел в 6 артил. бригаду. По истечении года службы назначается бригадным адъютантом. В 1911 г. переводится в 10 артил. бригаду, где назначается также адъютантом бригады. В августе 1914 г. выступает с бригадой на театр военных действий. В первый год войны пожалован орденом Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом. А далее: Св. Анна 4 ст. с надписью «За храбрость» и боевые ордена вплоть до Св. Станислава и Св. Анны 2 ст. В 1915 г. по собственному желанию отчисляется от должности бригадного адъютанта и назначается командиром батареи в той же бригаде. Высочайшим приказом за отличие в бою 15-17 апреля 1915 г. на участке фронта Круша-Сарафин утверждено пожалование высочайшей награды — Георгиевского Оружия. Приказом по войскам Румынского фронта пожалован румынским орденом «Стелла Румании» степени командора. В 1917 г. после ранения эвакуирован из боя, по политическим обстоятельствам в бригаду не вернулся. После октябрьского переворота записывается в Офицерскую организацию Московского Центра и через несколько месяцев прибывает на юг в Добровольческую Армию. Почти три года проводит в боях с большевиками.

В 1920 г. эвакуирован в Галлиполи, где зачисляется в Алексеевский артил. дивизион. В 1921 назначается председателем Военно-Исторической комиссии этого дивизиона и начальником Учебно-офицерской школы. Сменив за рубежом военную специальность на свое «хобби» кадетских лет — столярное дело, С. В. с 1923 по 1930 работает в мебельной мастерской. Потом десять лет на такси, а последние 15 лет в интернате Св. Георгия в Медоне.

Чтобы увеличить средства существования, С. В. с первых же дней эмиграции занялся изготовлением иконных киотов. В нижней церкви интерната Св. Георгия собственноручно изготовил иконостас по рисунку художника-архитектора Н. Исцеленнова. Кроме тяжелого ручного труда, С. В. с 20-х годов активно участвует в работе своего Корпусного Объединения, пройдя в нем все должности от секретаря до председателя. В других организациях С. В. неоднократно назначается в Суды чести. Работая по 11 часов в день, С. В. почти каждый вечер присутствует на том или ином заседании, нередко доводя себя до переутомления. Зная хорошо историю своего корпуса, С. В. к 125-летнему юбилею составил статью со знаменательными датами, которая была напечатана в журнале «Военная быль» за подписью его однокашника Б. М. Марина.

Всегда корректный, доброжелательный, очень скромный и внимательный ко всем, С. В. был ярким представителем корпуса кадровых офицеров Императорской Армии. На его похоронах было много друзей, много цветов и венков, но еще больше искреннего горя. В лице покойного Георгиевские кавалеры и артиллеристы потеряли боевого друга, кадеты-однокашники своего председателя, Павлоны и Белые Воины верного сына Отечества, Евгения Николаевна потеряла любимого мужа и мы выражаем ей наши искренние и сердечные соболезнования.

Однокашники Нижегородцы-Аракчеевцы и друзья.

ПАМЯТИ ДРУГА

16 ноября 1972 года, в г. Сараево (Югославия), после тяжелой болезни, тихо скончался Александр Сергеевич Нащокин — коренной кадет Владимирского Киевского Кад. Кор. и кадет I вып. Крымского Кад. Кор. С покойным меня связывала непрерывная дружба, начиная с детских лет и вплоть до войны 1941 года, когда судьба разъединила нас навсегда.

Сын офицера Л. Гв. Измайловского полка, бывшего личным другом Вел. Князя Константина Константиновича, он был воспитан в духе «доблести, добра и красоты». Поэтому, в 1918 году мы видим его, тогда кадета 5 класса, в рядах защитников Киева от Патлюровских банд.

Затем, в 1919 году, он борется в рядах родного Л. Гв. Измайловского полка, за боевые отличия произведен в чин стар-

шего унтер офицера и представлен к Георгиевской награде. С полком, в составе армии ген. Бредова, отходит в Польшу, откуда в августе 1920 года прибывает в Крым. Раненый в живот в 1919 г. он в Крыму не мог продолжать службу в армии и поэтому явился в Крымский кад. корпус, который и окончил с I выпуском в 1921 году. Поселившись потом со своими родителями в г. Сараево, служил в Дирекции государственных жел. дорог до полной пенсии.

Окончивши корпус, он не прервал связи с кадетством. Всегда поддерживал связь с Киевлянами, пока корпус был в Сараево, и с Крымцами, с которыми судьба его сталкивала. Добрый и очень отзывчивый, он всегда за кого-то хлопотал, кого-то устраивал, кому-то помогал. Его дом в Сараево был всегда убежищем и прибежищем для всех однокашников.

Но особенно по кадетски показал себя после Второй мировой войны, когда, вместе с братом Алексеем, он из разоренных титовцами могил, не жалея труда и средств, перенес посмертные останки ген. Адамовича и всех похороненных на кад. кладбище офицеров и кадет в братскую могилу, предавши их земле по христианскому обряду.

Дорогой однокашник! Не суждено Тебе было оставить свои кости на поле брани, с оружием в руках борясь за свою Родину. Лег ты в чужую землю. Так пусть же она тебе будет пухом, а этих несколько строк пусть будут венком на твою могилу.

С. Якимович, 5 в. К.К.К.

---

29 января 1973 года в Бриджпорте, Конн. скоропостижно скончался

ЮРИЙ АПОЛЛИНАРИЕВИЧ СНЕХОВСКИЙ

Кадет второго выпуска
Крымского Кадетского Корпуса

Похоронен на кадетском участке кладбища монастыря Ново-Дивеево.
Выражаем искреннее соболезнование супруге покойного Марии Викторовне.

БИБЛИОГРАФИЯ

«ПЕРВЫЕ ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ЛЕТ»

(Борис Пылин, 1972 г.)

Под этим названием вышла недавно книга воспоминаний, которая заслуживает того, чтобы сказать о ней несколько слов. В этой книге описаны первые 14 лет жизни мальчика, родившегося в 1906 г. в одном из старинных городков русского севера и поступившего в 1-й класс 2-го Московского кад. корпуса осенью 1917 года. В нормальной корпусной обстановке ему удалось пробыть лишь несколько недель, как уже надвинулись октябрьские дни, вооруженная борьба с большевиками в Москве и превращение корпуса в одну из советских пролетарских школ 1-й ступени, куда были сведены все младшие классы всех московских корпусов и девичьих институтов для совместного обучения. Автор пробыл в этой обстановке до конца 1918 года и читатели найдут в его книге описания многого, о чем до сих пор не приходилось ни читать, ни даже слышать.

После целого ряда злоключений, автору удалось выбраться из Москвы и попасть в г. Ливны, который был вскоре занят добровольцами. В конце лета 1919 г. юный кадетик попал в расположение Алексеевского полка, в составе которого, подхваченный волной отступающей Добровольческой Армии, проделал весь отход до Новороссийска, был эвакуирован в Крым и участвовал в десантных операциях в районе Геническа и на Кубани. Отчисленный от полка в силу известного приказа ген. Врангеля, Б. Пылин был направлен в Феодосию, в Сводно-Кадетскую роту, пережил эвакуацию из Крыма и кончил Крымский кад. корпус в Югославии.

Об этих годах уже написано много воспоминаний. Писали их и видные деятели тех лет, и рядовые участники событий. Поэтому, при появлении воспоминаний нового автора, невольно кажется что все это уже известно и что ничего нового к этому прибавить нельзя.

Но воспоминания Б. Пылина отличаются тем, что описывают очень мало известные события, а о многих из них вообще ничего не приходилось слышать. Они написаны совершенно простым языком и в них нет попыток выносить исторические

приговоры и искать виновников происшедшей катастрофы. Воспоминания эти говорят о том, что происходило перед глазами мальчика, которому, как и тысячам других русских детей, вместо радостной юности выпало на долю участие в страшных событиях, которых хватило бы на несколько жизней. Вот эта простота и искренность изложения делают книгу Б. Пылина оосбенно ценной и заслуживающей большого внимания.

А. Росселевич.

Отзыв в журнале «Часовой»

КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА. № 2 и 3. Журнал Объединения Кадет Российских Зарубежных Корпусов, Нью-Йорк.

Полвека прошло с того времени, когда братская Югославия и ее Король-Витязь Александр I приютили русских мальчиков-кадет, выброшенных волнами революции и гражданской войны из России. Кончали созданные на сербской земле корпуса юноши в надежде послужить своему отечеству. Судьба решила иное и бывшие кадеты распылились по множеству стран всех континентов. Распылились физически, но не духовно. Мы часто говорим о евреях, которые, несмотря на тысячелетия своего распыления, сумели сохранить свою национальность и общие интересы. Но не то же самое можно отнести к известной части российской военной эмиграции, в которой очень заметное место занимают кадетские объединения и, пожалуй, среди них наиболее дружными являются кадеты зарубежные.

Уже было проведено несколько их съездов, выпущена и солидная книга истории их Корпусов, а сейчас началось издание периодического журнала, первый номер которого мы уже отмечали. В рецензируемых "Перекличках" есть целый ряд интересных статей и милые, забавные стихи. Отметим прежде всего ценные воспоминания о жизни своей и всей ее Семьи, Княжны Веры Константиновны, дочери Великого Князя Константина Константиновича, светлой памяти которого верны не только кадеты, но и все офицеры старой армии. Трагически сложилась судьба Семьи: брат Княжны — князь Олег Константинович был убит на поле брани в самом начале войны 1914 года, такой же смертью храбрых пал и муж Княжны Татьяны, князь Багратион-Мухранский, Князь Иоанн, Константин и Игорь были зверски убиты большевиками в Алапаевске в 1918 году... С истинно христианским чувством Княжна Вера заканчивает краткую историю своей Семьи словами: "Много радости, много горя. На все воля Божия. Слава Тебе, Господи, за все".

Затем в "Перекличке": трогательная статья и стихи И. Автамонова, посвященные Королю Александру, истории Российских Корпусов, жизнь корпусов заграницей, описание деятельности нынешних кадетских объединений, среди которых и созданное в Бельгии. Сохранение традиций продолжающееся "чувство локтя" делает честь второй смене нашего военного Зарубежья. Искренне желаем дальнейших успехов и неиссякаемой веры в вечную Россию. И повторим конец стиха И. Автамонова, посвященного памяти Вел. Князя Константина Константиновича:

О, если б людям долю этой веры,
Зерно его сремления к Добру, —
Пришли бы в жизнь иные меры,
И мир бы чистым стал,
как воздух поутру.

В. О.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВОЕННАЯ БЫЛЬ»

О тяжелом финансовом положении «ВОЕННОЙ БЫЛИ» уже говорилось. Мы уже известили подписчиков о повышении подписной платы на следующий цикл. Эта новая подписная плата уже не покрывает себестоимости журнала а, при постоянном росте всех цен, мы стоим быть может перед новым повышением платы в типографию и расходов по экспедиции.

Журнал нельзя закрыть! Мы не только НЕ МОЖЕМ это сделать, а просто НЕ ИМЕЕМ ПРАВА ни перед читателями, ни перед самими собой, ни перед будущим. Не все материалы напечатаны, не все источники исчерпаны, работы перед сотрудниками и редактором еще очень и очень много. Если мы закроем журнал, рухнет с таким трудом, общей жертвенной работой созданное большое военно-историческое дело.

Но, время идет неумолимо вперед, если мы хотим спасти журнал, нужно действовать быстро. Все читатели и подписчики «ВОЕННОЙ БЫЛИ», все члены «ОБЩЕСТВА ДРУЗЕЙ «ВОЕННОЙ БЫЛИ» приглашаются принять участие в этой жертвенной работе на общее наше дело.

1) Мы предлагаем каждому подписчику журнала, каждому другу нашего Издательства прибавить к своей подписной плате (40 франков или 10 долларов) любую сумму, какую он найдет для себя возможным на поддержку журнала.

Мы прекрасно понимаем, что конечно не все подписчики могут это сделать. Мы обращаемся только к тем для кого некоторая добавочная сумма в виде «ПОДПИСКИ НА ПОДДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА» не составит чрезмерно обременительного расхода. Мы напоминаем, что свыше СТА экземпляров каждого номера рассылается бесплатно нашим неимущим друзьям и это, конечно, будет продолжаться.

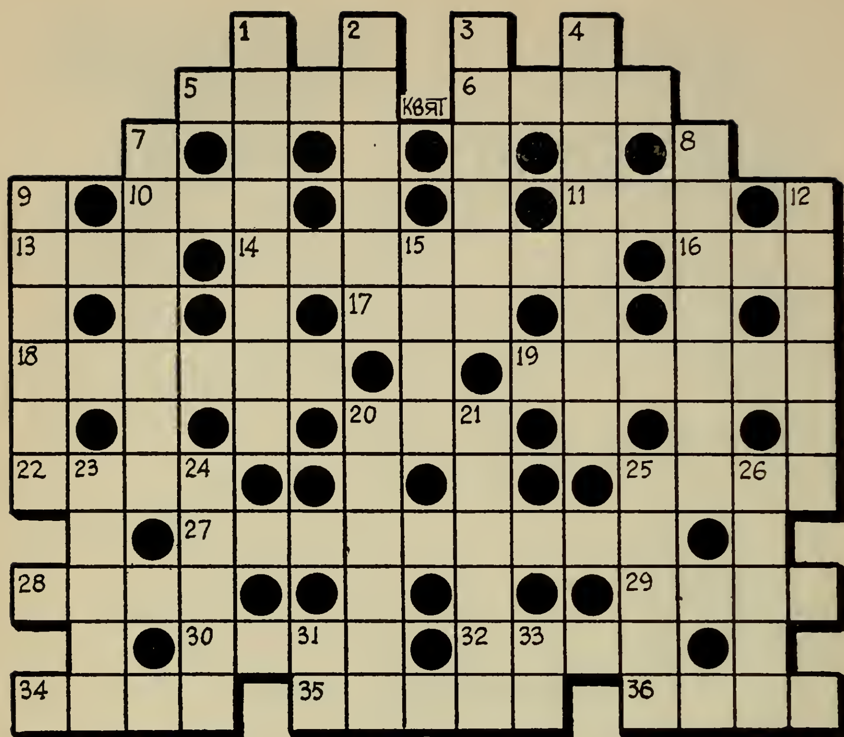
2) Стоя близко к течению и развитию военно-исторической науки и дела в мире, мы знаем, что в странах западного мира, во Франции, Германии, Англии, Соединенных Штатах — среди военных коллекционеров, формоведов, военных медалистов неуклонно растет интерес к старой Российской Императорской армии. Нам также известно, что почти не существует ничего по русской военной истории на иностранных языках.

В нашем стремлении расширить круг читателей и подписчиков «ВОЕННОЙ БЫЛИ», с 1 января 1973 года, мы прибавляем к каждому номеру 8 страниц на французском языке. На

этих страницах будут помещаться как оригинальные статьи, так и перевод наиболее интересных, с точки зрения иностранцев, статей уже помещенных в журнале по русски. Мы полагаем, что наше решение даст новый толчок делу издания нашего журнала и послужит к расширению нашей большой военно-исторической работы, путем популяризации сведений об Императорской армии и флоте в иностранных кругах.

Редакция полагает, что оба эти начинания увенчаются должным успехом и расширенная и обновленная «ВОЕННАЯ БЫЛЬ», с еще большим успехом, продолжит проложенный ею военно-исторический путь.

АЛЕКСЕЙ ГЕРИНГ

КРЕСТОСЛОВИЦА № 3.

Горизонтально: 5) Мужское имя, 6) Самодурство, прихоть. 10) Город в Финляндии. 11) Принадлежность биллиарда. 14) Общий стол в монастырях. 13) Полосы материи для отделки платьев. 16) Антитеза добру. 17) Река в Семиречьи, 18) Сорт глины, 19) Служащий во флоте, 20) Греческая буква, 22) Кличка американцев, 25) Часть подошвы, 27) Форма государственного правления, 28) Форма поэтического произведения, 29) Город в России, где был Кад. Корпус. 30) Святая гора, 32) Служит для подвешивания чего-нибудь, 34) Имя норвежских королей, 35) Книга Ветхого Завета. 36) Женское имя.

Вертикально: 1) Русская мера веса, 2) Город в Зарубежье, где было два кад. корпуса, 3) Пьеса Чехова, 4) Пьеса Лермонтова, 7) ...заветное, чарующее слово, 8) Город в Зарубежье, где был кад. корпус. 9) Провинция Византии, 12)Служит для стягивания талии, 15) Знак положительной величины, 20) Ими мы гордились, 21) Пьеса Гоголя, 23) Государство в Азии, 24) Мужское имя, 25) Болотное растение, 26) Река, памятная по 1812 году, 31) Река в Сибири. 33) Нота.

Решение смотри на стр. 34.

Printed by "Monastery Press" — 8011 Champagneur Ave., Montreal, Que. Canada.